

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
эриприни

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – эрцпринц

«ЭКСМО»

2012

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – эрцпринц / Г. Ю. Орловский —
«Эксмо», 2012 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-60682-5

Большому кораблю и плавать незачем, но... приходится. Сэр Ричард днем – паладин, а ночью – тайный маг, ведет на север ударную армию крестоносцев, воспламененных идеей спасения мира. По пути выжигаются гнезда нечисти, нежити, истребляются враждебные культы и даже ереси. Впрочем, само христианство, как известно, началось с малой секты еретиков. Может быть, и сейчас... гм...

ISBN 978-5-699-60682-5

© Орловский Г. Ю., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	50
Глава 11	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – эрцпринц

Богу приличествует свобода, а не необходимость. Я предпочитаю, чтобы Он Сам захотел сотворить зло, нежели чтобы не мог сотворить.
Тертуллиан (ок. 160 – после 220),
христианский богослов

Часть первая

Глава 1

Грозно и тягуче ударили в набат, с колоколен первыми увидели приближающиеся войска противника. На стенах зашевелился народ, появились лорды, их издали отличишь по пышным султанам на гребнях шлемов и роскошным плащам, хотя в такой летний день они без надобности на улицах города.

Хродульф держится со мной рядом, чтобы создать у остальных впечатление, что он здесь первый после принца.

– Это будет, – сказал он довольно, – третий отбитый приступ!

– Еще не отбили, – предостерег я.

– Отобьем, – заявил он. – Каждый думает, что Бог на его стороне, но мы-то знаем!

– Только на Бога и уповаем, – пробормотал Леофриг. – Там прет такая тьма... Нас просто сметут, как муравьиную кучу.

– Отчаяние, – сказал я, – часто выигрывало сражения. Но, что делать, война будет повторяться и повторяться... Пока вопрос, начинать ее или нет, будет решаться не теми, кто умирает на полях битв.

Они смотрели на меня с выражением недоумения на честных лицах, только епископ Геллерий кивнул довольно, словно я могу думать и говорить только о церкви, постоянно выступающей за полное запрещение войн.

Хенгест пробормотал в сомнениях:

– Может быть... выехать навстречу?

– Рассмотрели их хорошо?

– Норберт сообщил, – сказал он, – идет отряд из двенадцати тысяч легкой конницы. Набраны как вспомогательные войска. Всякий сброд, чернь. По большей части разбойники, которых Мунтвиг погнушался принять в войско.

– Хорошо, – сказал я, – но только следите, чтобы не появился противник посерьезнее.

Хенгест довольно улыбнулся всем лошадиным лицом.

– Если что, крикните со стен. Слишком далеко удаляться не буду.

Трое лордов и даже епископ посмотрели вслед с неудовольствием. Хенгест за последние дни завоевал славы и уважения воинов больше, чем все остальные, что задевает остальных соперников на трон Варт Генца, а епископ все еще надеется, что Господь возьмет вот и прекратит смертоубийство. Иногда даже взрослые и мудрые люди бывают удивительно наивны.

Я коротко взглянул со стены во двор, как Хенгест выстраивает дружину, повернулся к лагерю противника. Они сделали уже три попытки штурма, но все слишком слабые, словно это не сам штурм, а прощупывание слабых мест. Хотя в начале ситуация была опасная, но

епископ Геллерий в сопровождении местных священников обошел все стены и везде поставил защиту против нечисти и магии, и теперь всякий исчезник виден издали.

В окрестных селах конники Мунтвига начали забирать у крестьян оставшийся скот. Плохой знак, явно армия Мунтвига уже близко, это для нее начинают собирать отовсюду на прокорм. Впрочем, Норберт успел туда вовремя, мунтвиговцев побил всех, только двух захватил для допроса, скот вернул крестьянам и велел уводить их в лес, а то в городе уже нет места.

Пленники показали, что они для боев не обучены, у них вон и седла простые, и кони неподкованные. Им велели только разведать впереди и доносить, а когда основная армия приблизится, изымать у населения скот и гнать навстречу.

– Ваше высочество, – сказал Хродульф почтительно, – вы останетесь в городе?

Я подумал, покачал головой.

– Знаете, дорогой друг, я имею обыкновение отлучаться незаметно даже для своих... Но в военное время это может оказать плохую услугу.

– Ваше высочество?

Я понизил голос:

– Если вдруг пронесется слух, что принц Ричард покинул город, сами понимаете...

Он горестно вздохнул.

– Да, всегда найдется трус, что завопит: «Принц сбежал!», «Нас предали!».

– Я буду вблизи города, – пообещал я. – Меня могут видеть со стен, это воодушевит народ и прочую общественность больше. Да и сам я больше люблю нападать, чем защищаться.

Прошлой ночью Норберт ходил в поиск, а утром доложил, что противник совсем близко, передовые части всего в трех милях, а в милях семи-восьми от них движется основная масса армии.

Я обошел город, как внизу по площадям, так и по стене, проверил, кто как готов, распорядился еще раз, кому где стоять насмерть, а кому можно отойти, заманивая, чем можно защищаться, кроме мечей и присутствия духа, а если где сосед начнет слабеть, чтобы тут же помогли ему удержать позицию.

Горожане выказывают отваги больше, чем местные войска, чем их изрядно стыдят, с другой стороны – у них здесь жены и дети, и каждый мужчина предпочтет погибнуть с мечом в руке на пороге дома, чем позволит войти врагу и на его глазах схватить жену на поругание.

Внизу со скрипом распахнулись створки, первым из городских врат выехал Хенгест Еафор, огромный и могучий, весь в железе, широкий в плечах, как надстройка поверх городских ворот, за ним его отборные рыцари, с которыми он сроднился в боях.

От войска мунтвиговцев начали отделяться по одному всадники, выехали на середину между войсками.

Хродульф вскрикнул изумленно:

– Неужели вызывают на поединки?

– Нахалы? – спросил я.

– Еще какие! – вскрикнул он. – Уж я сейчас покажу богохульникам...

– Нет, – сказал я резко. – Я же стою?

Он огрызнулся сердито:

– Вам по рангу можно только с самим Мунтвигом, а для меня там почти каждый как раз вровень, даже мериться не нужно!

– Все равно, – отрезал я. – Военачальники должны военачальничать, а не!.. Я же вот?

Он засопел и отвернулся, вперив взгляд в передний ряд мунтвиговцев. Двенадцать тысяч всякого сброда, как доложил Норберт, однако командовать им поручено благородным рыцарям и наверняка умелым военачальникам.

То ли они чем-то провинились, потому посланы руководить сбродом, либо это знак особого доверия, как признание, что только они могут обуздать эти дикие и не знающие дисциплины стаи и создать из них могучее боеспособное войско.

Сейчас именно они выехали вперед и остановились на середине между своим войском и дружиной Хенгеста у самых ворот.

Из дружины Хенгеста выдвинулись первыми два рыцаря, что справа и слева от него, затем выехал вперед он сам, спокойный и нарочито медлительный, а дальше начали выезжать герои, отличившиеся в предыдущих боях.

Сердце мое стучало и просилось в схватку, но я еще раз напомнил себе, что я, как демократ и либерал, должен трястись за свою шкуру, я вообще-то и трясусь все время, пока не захватит это дурацкое «...упоеание в бою и бездны мрачной на краю», после которого долго приходишь в себя и френдируешь... фрондируешь, нет, фрейдничаешь насчет того, каковы же у нас инстинкты и павловские рефлексy, как легко они подталкивают в нужную сторону мой великолепный разум, прямо блистательный и гегелевски чистый, и заставляют альфасамцовить с ревом и налитыми кровью глазами.

Ближайший к воротам мунтвиговец прокричал звучно:

– Да будет воля Господа!.. Да развалю я этого нечестивца надвое, как нечисть, что рассеивается от Божьего света!

Рыцарь из дружины Хенгеста крикнул зло:

– Сам ты говно на палочке!.. И конь у тебя... и сам ты... Будешь у меня харей землю рыть, дурак неотесанный.

– С нами Бог! – воскликнул мунтвиговец патетически и, опустив забрало, пустил коня в красивый галоп.

– Бог с нами, – крикнул рыцарь Хенгеста, – а с вами дьявол рогатый, морда ты свинья...

Они сшиблись с мощным грохотом. Копья разлетелись вдреизг, кони заржали и поднялись на дыбы, колотя друг друга копытами и пытаясь укусить.

Мунтвиговец потерял стремя, но в их войске это, видимо, поражением не считается, молниеносно выхватил меч, наш рыцарь едва успел подставить под удар щит.

Прогремело так, словно десяток молотобойцев влупили по листам железа. Посреди щита образовалась вмятина, я затаил дыхание, зная, какой болью отозвался удар. И рыцарь в самом деле заставил коня попятиться, противник обрадованно наносил удар за ударом, хенгестовец принимал все так же на щит, но теперь в момент удара поворачивал, чтобы меч соскальзывал, наконец пришел в себя и сам нанес два сильных удара, после чего схватка выравнялась.

Я поглядывал то на них, то на прочих, где уже сошлись один на один несколько человек. Быстрее всех справился сам Хенгест, чему я не удивился, помня о его чудовищной мощи, а он тут же подал коня вперед и помахал топором, вызывая нового поединщика.

Выехали сразу несколько, с трудом решили, кому первому, рвались все, но бой и со вторым противником завершился так же быстро: после первых двух ударов Хенгест нанес сокрушительный удар по шлему противника. Тот просел, словно жестяное ведро под ударом бревна. Рыцарь молча рухнул на землю, и было видно, что уже не поднимется.

На Хенгеста с яростным криком бросился третий. Хенгест подставил под его меч щит, а сам ударил навстречу топором и почти перерубил посредине шлем. Кровь брызнула алыми фонтанами, рыцарь упал на конскую гриву, а Хенгест повернулся к мунтвиговцам и сделал приглашающий жест.

Я сжимал кулаки, желая победы Хенгесту уже не только потому, что он наш, но еще и как набирающий силу противовес Хродолофу, самому богатому, знатному и влиятельному магнату в Варт Генце.

Четвертый поединщик выехал осторожнее, некоторое время они обменивались ударами, всякий раз принимая их на щиты, но распыленный успехами Хенгест жаждал быстрой победы

в надежде, что будут еще, он начал теснить противника, дважды ухитрился ударить щитом, а когда противник неосторожно сам опустил щит, потому что Хенгест сделал вид, что прицелился в бедро, грозный топор обрушился на шлем.

После этого череда побед Хенгеста прервалась, никто не захотел выходить на бой с таким чудовищным бойцом, все выискивали соперников послабее хотя бы с виду.

Схватка кипела все яростнее, уже вся верхушка хенгестовской дружины в бою, а из ворот начали появляться герои из отрядов Меревальда и Леофрига.

Они сходились с мунтвиговцами поодиночке, но иногда к победителю новый поединщик бросался в тот же миг, как только тот сбивал противника с ног, и бой продолжался и продолжался. Когда в конце концов в их лагере прозвучала труба, призывающая вернуться, это уже было признанием поражения. Все видели, что из двадцати четырех съехавшихся в единоборстве наши потеряли троих, а у мунтвиговцев с коней были сбиты двадцать два, а потом еще потерпели поражение восемнадцать человек, что становились на место побежденных.

Последний из покидавших поле повернулся и прокричал во весь голос:

– Хотя на этот раз дьявол вам и помог, но с Божьей помощью мы одолеем вас, силы Тьмы! Хенгест, что покидал поле последним, проревел почти добродушно:

– Иди-иди, мальчик. Только штанишки смени.

Солнце как нарочно задержалось над краем земли, чтобы полюбоваться на великолепное зрелище красочной схватки, но и оно в конце концов с неохотой ушло за края темной, как уголь, земли. Отряды разошлись, на поле выбежали оруженосцы и слуги, быстро унесли раненых, а также трупы, полностью убирая напоминание о суровых мужских забавах.

На стенах города зажглись факелы, я все так же смотрел с ворот и чувствовал, как сердце сжимается от тревоги и предчувствия беды. Грозное зарево поднимается впереди, справа и слева. Горят деревни и малые города, горят жарко, дождей не было давно, оранжевые языки огня вздымаются высоко в темное небо, а клубов дыма не видно в черноте, само небо от пожаров стало неприятно розовым.

На стены высыпало множество горожан, лица у всех скорбные, у многих в селах родные и друзья, другие сами совсем недавно бежали оттуда, оставив дома и нажитое добро.

Я тоже смотрел на север с возрастающей тревогой. Там разгорается зловещее зарево, при виде которого сердце начинает биться чаще, но кровь стынет в жилах. Одно дело утренняя заря, нежно-алая, или даже вечерняя, когда небо картинно и величественно багровеет, но сейчас это больше похоже на пролитую кровь, еще горячую, что поднимается по небосклону.

И этой крови все больше, уже целое море катится в нашу сторону.

– Всё, – сказал я властно, с лордами можно говорить только так, – насмотрелись. Через час все лорды ко мне, подумаем, что делать завтра.

– О том, что будет завтра, – обронил Меревальд, – видно со стены уже сегодня.

– Завтрашний день, – напомнил я, – ученик сегодняшнего. Всего хорошего, лорды!

Глава 2

Через час они собрались у меня, пришел и сэр Аварин Вопросающий, хозяин здешней крепости, с сыном, бароном Тедриком, крепким и быстрым в движениях юношей. Он показался мне излишне напряженным, словно старательно сдерживает проявления метеоризма, но лицо человека достойного, сдержанного, держится и выглядит человеком воспитанным.

Если не удастся удержать город, то придется отступить в их просторный и прекрасно защищенный замок, потому они здесь по праву, как единственные местные рыцари среди городского люда.

Последним явился епископ Геллерий, с порога размашисто перекрестил нас, это чтоб не подходили поодиночке за благословением.

– Умрете или убьете, – сказал он, – будете в раю. Господь сказал: наша жизнь не страдание и не наслаждение, а дело, которое мы обязаны делать и честно довести его до конца.

В животе у Хенгеста бурчит и квакает с такой мощью, словно сто тысяч недовольных лягушек требуют у Господа даже не дождя, а хлябей небесных, желательно на сорок дней и ночей, словно они уже расселись на Арарате.

– А поесть нам дадут? – осведомился он. – А то я не успел.

Лорд Леофриг сказал с неудовольствием:

– Мы еще не разобрались, что такое мудрое сказал Господь Бог, а вы уже хотите есть!

– Хороший ужин, – возразил Хенгест уверенно, – убеждает в нашей правоте!

– Мы отбили три штурма, – сказал Хродульф, – неужели Мунтвиг предпримет четвертый?

Я буркнул:

– Если три ошибки не принесли результата, нужно пробовать четвертую.

Он вскинул брови, пытаясь понять, что я сказал, но моя мудрость не всем доступна, к тому же Меревальд заговорил о возможных приступах и прервал его попытки понять высшую астральность.

Расстелив карту, я повел пальцем от места, где расположен наш Баббенбург, и до узкой долины, что тянется до самого Варт Генца и даже заходит в него на десяток миль.

– Мне кажется, – сказал я, – у них слишком велик соблазн впереди, чтобы надолго задерживаться здесь. Как мыслите?

Хенгест поморщился, что тут мыслить, воевать надо, зато Меревальд сразу же сказал с важностью:

– Вы правы, ваше высочество.

– Вы так думаете, – спросил я, – или просто хотите похлопать по плечу?

Он не уловил сарказма, ответил серьезно:

– Если увязнут тут с осадой, в Варт Генце могут успеть собрать войска и укрепить оборону замков и крепостей. Там остался Торстейнт, у него самое большое войско, и если бы он был благородного звания, а не просто разбогатевшим лавочником...

– Постойте, – сказал я, – я слышал, Торстейнт вообще-то закаленный воин. Он с дружиной совершал набеги на Скарлянды и Гиксию...

Все верховные лорды поморщились, вместо Меревальда с достоинством ответил Хродульф:

– Правда и то, что он разбогатевший лавочник, и то, что у него самая закаленная в боях дружина во всем королевстве. Так что он может собрать людей еще больше и остановить этого оверлорда на границах Варт Генца.

Меревальд сказал с поклоном:

– А для того чтобы захватить Варт Генц, понадобится больше, чем одна армия оверлорда Гайгера. Но мне кажется, что теперь он будет бросать войска на штурм, пока не ворвется в город. Во всяком случае, завтра все увидим.

– Пока не наступит завтра, – сказал Хродульф со вздохом, – не поймешь, как хорошо было сегодня. А если бросят на приступ всю армию?

– От этого сброда отобьемся, – уверенно прорычал Хенгест. – А вот когда подойдут тяжелые части...

– Устоим, – пообещал я.

Сэр Фарард Котингем, городской глава и одновременно глава местного ополчения, возразил:

– Против всей армии? Это невозможно!

Я поправил:

– Это почти невозможно.

Он посмотрел с недоверчивым недоумением, для простых людей разницы между этими понятиями не видно, но почти все великие победы достаются тому, кто умеет видеть ничтожный шанс и воспользоваться им.

Лорды сгрудились у карты, рассматривали ее некоторое время, но, когда я положил поверх карту города, интерес к штабной работе повысился, только лорд Леофриг начал подремывать с раскрытым ртом, но иногда проглатывал муху, все-таки польза для нашего общества.

– А вот здесь, – сказал Хенгест со злым наслаждением, – если они войдут... мы их, сволочей, и накроем, искромсаем так, что не останется куска крупнее, чем их ослиные уши...

Епископ тяжело вздохнул и сказал с укором:

– Зачем же так кровожадно? Господь, вообще, сказал: возлюбите врагов своих...

– Кто возлюбит врагов своих, – сказал я твердо и ясно, – тот предатель родины!

Он сконфузился и сказал торопливо:

– Да, конечно, но Господь сказал в ином смысле, духовном, нам непостижимом пока. Это же Господь, неисповедимы его дела, мысли, слова и замыслы.

Сэр Котингем приблизился ко мне и спросил:

– Ваше высочество, но если Баббенбург падет?

– У меня столько хлопот, – ответил я замученно, – что, если город падет, я смогу начать огорчаться не раньше чем через две недели. Но, как говорит наш досточтимый епископ Геллерий, не наше дело указывать Богу, как ему следует управлять этим миром!

– Ваше высочество?

– Город не падет, – ответил я уверенно. – Скорее всего.

Они рассматривали карту города, соприкасаясь головами, епископ сказал со вздохом:

– Если хотим наслаждаться миром, приходится сражаться.

– А победа зависит только от нашей доблести, – ответил я. – Так что, отец Геллерий, победа будет за нами, мы победим!

И хотя я сам не понял глубинной связи, но это прозвучало так, что доблестнее нас не было и не будет, что для нас весьма, и все повеселели, мужчинам нужно меньше, чем женщинам, но все же нужно.

Аварин Вопрошающий и его сын все смелее принимали участие в обсуждении вариантов защиты города, особенно в тех, когда мунтвиговцы все-таки ворвутся в город, где и в каких местах можно организовать оборону, а когда вся эта чернь тут же ринется грабить богатые дома, выйти и ударить в спину, растоптать, вернуться к городской стене и заделать брешь...

Разошлись за полночь, но на рассвете я уже снова поднялся на верх стены, что над городскими воротами.

Казалось, это от пожаров небо начинает светлеть, утренняя заря слилась с заревом, наконец из самого пылающего ада поднялось солнце и, будто опасаясь обжечься, торопливо покарабкалось по выгнутой тверди небосвода.

На стене уже народ, словно всю ночь там провели, подходят все новые, а многие из тех, кто помоложе, взобрались на крыши высоких домов и колоколен.

Я слышал, как общий стон пронесся поверху:

– Идут!.. Идут... Идут, проклятые...

На горизонте показалась темная масса и захватила там всю землю от края и до края. Почудилось, сама ночь опустилась на землю и движется в направлении города, подминая своей тяжестью остальной мир. Потом стали различимы крохотные фигурки всадников, так плотно спрессованных в единую массу, словно с севера движется в поисках добычи миллионноголовая колония гигантских муравьев, перед которыми все бежит в ужасе, а что не успевает спастись, от тех остаются только дочиста обглоданные кости.

Я наблюдал с надвратной башни, сюда доносится и тяжелый рокот, в котором можно различить топот копыт, и людские голоса, ржание, скрип телег, бряцанье металла и еще разные звуки, происхождения которых не определить, но и они наполняют душу первобытным ужасом.

Напрягая зрение, я рассмотрел на тяжелых подводах прибывающего обоза разборные части катапульт, подвижные балки из самого твердого дерева, а это значит, еще десятки повозок отданы под зубчатые колеса из лучшей стали, а также множество рычагов, блоков, тросов и тросиков, которые предстоит собрать на массивных станинах уже на виду противника на стенах города.

Оставили их под надежной защитой, а когда прибыли мастера, тут же начали собирать как сами катапульты, так и громоздкие требушеты. Вроде бы удалось рассмотреть еще и великанские дуги гастрарфетов, но я не был уверен, что это именно они.

Вдали на холмах выросли цветные шатры, к ним подогнали повозки и перетащили довольно громоздкую мебель, а намного позже прибыли и сами военачальники с пышной свитой.

Зигфрид негромко напомнил, что здесь, на этой надвратной башне, скоро станет опасно. Над воротами еще и широкий каменный навес для лучников, тут же запас тяжелых камней, что обрушится на головы тех, кто начнет ломать ворота, потому нападающие сюда в первую очередь обрушат град стрел.

– Стрелы нас пугают меньше всего, – ответил я. – Ты небось рад, что я не лезу в схватки?

– Сердце поет, – признался он.

– А моя репутация воина?

– Вы ее уже утвердили, – заверил он. – Теперь попытайтесь утвердиться как полководец.

В лагере противника оживление, оттуда выехала группа военачальников, все с виду знатные рыцари. Вперед помчался всадник на легком коне и помахал белым флагом.

Ко мне поднялись верховные лорды Варт Генца. Хродульф сразу встрепенулся:

– Переговоры? Что они предложат?

– Выгодный контракт на закупку шерсти, – сказал Леофриг язвительно.

– Потребуют сдачи, – обронил Меревальд.

– Дадим! – сказал Хенгест браво. – Догоним и еще дадим!

Я молча повернулся и пошел вниз. У ворот несколько знатных горожан города вроде бы готовы выйти для переговоров, но я покачал головой.

– Когда говорит армия, музы молчат. Зайчик!

Мне бегом подвели арбогастра, я вскочил в седло. Ворота закрипели, приоткрывая для меня выход. Я обернулся к Бобику.

– А ты, морда, жди!.. Я скоро.

Он вздохнул и сел толстой задницей на землю, в глазах такой укор, что я поспешно отвернулся, а Зайчик торопливо протиснулся наружу, и ворота тут же прикрыли.

Всадники остановились сразу за лагерем, лишь обозначив присутствие, а в сторону городских ворот шагом продолжал путь красивый саврасый конь с одиноким рыцарем в полных доспехах, но с обнаженной головой.

Арбогастр порывался понести вскачь, я придержал сперва, потом остановил на расстоянии двух полетов стрелы от городских стен. Всадник приближается все так же неспешно, суетливость в подобных делах недопустима, я видел, как он всматривается в меня с той же интенсивностью, как и я в него.

Ничего особенного, типичное лицо военачальника, их сразу отличаешь от остальных по выражению лица, возраст уже за средний, что нехорошо для нас, такие бывали в разных переделках, много видели и многое могут просчитать наперед.

Я ждал молча, он остановил коня в трех шагах и вскинул руку в приветствии.

– Командующий второй армией оверлорд Гайгер, – представился он, – выказывая уважение вашим попыткам отстоять город, явился лично, чтобы напомнить нехитрую истину.

– Вы остановитесь, – спросил я, – чтобы захватить город?

– Вы против? – осведомился он учтиво.

– Нет, – заверил я, – если это доставит вам удовольствие... Но почему бы вам не двинуться следом за командующим первой армией, благороднейшим графом Чарльзом Делстэйджем, что повел свои войска в глубь Бриттии и в направлении королевства Варт Генц?

– Граф Чарльз Делстэйдж, – проговорил он и посмотрел на меня странно, – в самом деле один из благороднейших лордов нашего святого воинства. Настолько чист и благороден, что и такие погрязшие в грехах люди, как я заметил в изумлении, смогли увидеть его благородство. Однако...

– Слушаю вас, оверлорд, – сказал я учтиво.

– Мы намерены взять этот город, – сообщил он, – как и другие города по дороге.

– Простите... почему?

Он ответил любезно:

– У всех, как вы понимаете, свои задачи. У графа Делстэйджа – пройти вперед как можно дальше, а у меня... гм... в общем, как вы должны понять, такой огромной армии, как у меня, сопротивляться бесполезно.

– История свободы, – напомнил я еще учтивее, – это история сопротивления.

– Вы навлечете на город великие несчастья, – сказал он предостерегающе.

– Несчастье, – ответил я ровно, – побеждается только сопротивлением.

Он внимательнее всмотрелся в мое лицо.

– Вы представляете городские власти или же... вы передовые части войск Ричарда?

– Это неважно, – ответил я небрежно. – Город устоит.

Он покачал головой.

– Сомневаюсь. Вы должны знать, что послушание гарантирует жизнь.

– Послушание, – согласился я, – и сопротивление – две добродетели гражданина. Послушание дает порядок, а сопротивление – свободу.

Он поморщился.

– Какая свобода у погрязших в грехе? Лишь свобода плоти, а мы несем свободу духа. Сдайте город, погибнет меньше людей.

– Но все-таки погибнут? – спросил я. – Почему? Ваши дикие орды будут убивать и насиловать?

Он поднял руку и торжественно перекрестился.

– Мы несем мир и Слово Божье погрязшим в грехе народам. Мы очищаем души, а кто упорствует Господу и поклоняется дьяволу, тот окончит дни на костре!

– Хороший вариант, – пробормотал я, – значит, вы рыцари Добра и Света, а мы – Зло и Тьма?.. Вы воины Господа, а мы – слуги дьявола?

Он повел плечами, но взгляд оставался ясным и твердым.

– Если и не прямые слуги, то еретики – точно. А Господь сказал, что таким он принес не мир, а меч! Мы призваны истребить ереси и возвеличить Слово Божье, а также дать надежду и защиту тем, кто даже в вашем распутном и развращенном мире остался верен Господу и его заповедям.

– Значит, – уточнил я, – если сдадим город, запольхают костры?

– Ни один достойный человек не пострадает, – заверил он. – А если и пострадает по ошибке, его невинная душа попадет в рай!.. Зато ведьм, колдунов, развратников, мужеложцев и скотолобцев ждет костер!

– Хорошая программа, – одобрил я несколько ошарашенно, – вообще-то мы никак не ожидали, что у вас она... такая радикальная. Честно говоря, вообще не ожидали, что у вас она вообще есть, если не считать базовые принципы демократии убивать и грабить. Скажу правду, до этой минуты и я полагал, что армия Мунтвига – лишь огромная шайка грабителей.

Он нахмурился, но проговорил с великим достоинством:

– Скоро и ваши королевства воспрянут под рукой святой церкви... после очищения их огнем веры и благочестия.

– Мне нужно будет сообщить эти новые данные совету города, – сказал я.

Он нахмурился сильнее, сказал резко:

– Хорошо. Я даю вам этот день. День, но не сутки! До наступления темноты вы должны дать ответ. До этого времени я воздержусь от приступа, потому что в боях первыми гибнут самые достойные, в то время как человеческая гниль спрячется в подвалах.

– Достойные слова! – воскликнул я.

Он коротко наклонил голову.

– До новой встречи!

Я коротко вздохнул, когда он повернул коня и поехал к ожидающим его всадникам. В разговоре я старался не выказывать сильнейшего изумления, а теперь еще прибавилась и штормовая тревога.

Меня ждали с нетерпением, все лорды уже внизу, там же епископ и несколько знатных горожан. Хродульф спросил первым еще издали:

– Что он сказал?

Я соскочил на землю, арбогастра тут же увели, Бобик посмотрел на меня с укором и побегал за ним.

– Ожидаемое, – ответил я невесело. – Предложил сдать город. Но не это важно.

– Ваше высочество? – спросил Хродульф.

– Вы будете смеяться, – сказал я, – а то и ржать, как кони лорда Хенгеста... но они считают себя силами Добра и Света, что несут Слово Божье в наш развращенный мир Юга.

Леофриг пробурчал в недоумении:

– Юга?.. А мы при чем?

Меревальд, что соображает быстрее всех, сказал ехидно:

– А ты и есть Юг. Самый настоящий! Для королевств Аганда, Сизия, Меция...

– Дурость, – сказал Леофриг.

Меревальд повернулся ко мне, темные как маслины глаза сумрачно блеснули.

– Ваше высочество, если я правильно понял, Мунтвиг идет не просто пограбить и позавоевывать, а вроде борца за идею?

– Увы.

– Это плохо, – сказал он серьезно.

Я сказал тяжело:

– Хуже не бывает. Будет не война, а кровавая бойня, как всегда, когда сталкиваются идейные люди.

Епископ смотрел на меня невесело, но что-то в его взоре таилось. Я взял его под локоть и медленно повел от ворот в сторону центра города.

– Святой отец, – поинтересовался я кротко, – выходит, войско Мунтвига не из язычников, как мы полагали?

Он взглянул на меня искоса, из груди вырвался тяжелый вздох.

– Сэр Ричард, в некоторых случаях язычники предпочтительнее заблудших христиан.

– Святой отец?

– Они христиане, – ответил он нехотя. – Но они называют себя апостольской церковью. А в ней главой является король! Разве такое возможно?.. В нашей церкви глава – Иисус. Мы не подчинены ни королям, ни императорам, никаким другим земным правителям, облеченным властью!

Я пробормотал озадаченно:

– Это круто, святой отец, если в одном кулаке военная власть, административная, судебная и церковная... Такой человек может сделать все, что возжелает!

Он перекрестил меня и сказал важно:

– Сим победиши, сын мой!

– Чем? – спросил я в лоб.

Он чуть смутился, слова его были риторическими, красивые и освященные временем, там все такие округлые, потому запнулся, сказал с затруднением:

– Ну... твоим умением сражаться и побеждать... А также этой, как ее... ага, верой в Господа и справедливостью нашего дела.

– Ну да, – согласился я, – хотя Господь все-таки обычно на стороне больших армий и воинского мастерства.

– Сын мой, – сказал он с укором и вместе с тем предостерегающе.

– Не надо, ваше преосвященство, – ответил я почти тем же тоном, – я догадываюсь, где Иисус провел те двадцать лет, о которых хорошо известно Ватикану, но о которых так старательно молчат.

Он сделал вид, что не услышал, проговорил с зарождающимся праведным гневом:

– Если они христиане, то почему Ватикан давно не получает от них десятины? Это значит, дерзостно отвернулись от церкви. Ватикан посылал к ним прелатов, но над ними поглумились, а затем изгнали!

– Недопустимо, – поддакнул я – Ни один человек не должен подвергаться глумлению...

– Тем более, – сказал он с нажимом, – служитель Господа!.. Я понимаю тебя, сын мой, ты хочешь полной справедливости, как и сказано в Священной Книге, но справедливость нужно восстанавливать постепенно. Сперва защитить от глумления священников, потом высших лордов, затем простых людей благородного сословия, а потом уже и чернь, ибо для Господа нашего нет ни королей, ни простолюдинов, а все его дети...

Я порывался было возразить, но когда он закончил, кивнул и сказал со вздохом:

– Да, святой отец, я хочу все и сразу! Господь не смотрит, кто барон, а кто землепашец, но разве мы выполняем не волю Господа Нашего?

– Его, – согласился он, – но Его волю лучше всего понимает наша святая Церковь, ибо Иисус сам основал ее и назначил святого Петра первым ее епископом и римским папой. Кому, как не Петру, лучше знать стремления и чаяния нашего Господа?

– Со времен Петра прошло много времени, – пробормотал я. – Остальные папы могут что-то истолковать не так.

Он грозно сверкнул очами и повысил голос:

– Папа непогрешим!

Я склонил голову.

– Да-да, папа прав, Мунтвига нужно остановить, а его ложную церковь как-то разрушить.

– Именно!

– Хотя я не представляю, – добавил я, – как это сделать, верующий человек не слышит доводов разума. Он будет цепляться за свою апостольскую церковь в любом случае.

Он вздохнул и перекрестил меня.

– Сын мой, когда достигнешь ее, а ты такой, убивай там всех. Господь сам разберется, кто сильно виноват, а кто чуть-чуть.

– Но невиновных нет?

Он вздохнул еще тяжелее.

– В этих проклятых войнах гибнет столько невиновных людей! Мы провинимся перед Господом, если самонадеянно начнем взвешивать степени вины заведомо виноватых в апостольской церкви. Господь сам отделит зерно от плевел, а овец от козлищ и сделает это точнее, чем мы с вами.

– Понял, – сказал я. – Я рад, что рука церкви еще крепка, а воля неколебима.

Глава 3

В лагере армии оверлорда Гайгера суматоха так и не улеглась, но помимо бестолковой суеты, как я заметил, ремесленники весьма быстро и умело собирают требушеты. Начали с них, а завтра очередь дойдет и до катапульта.

– Похоже, – обронил я с неохотой, – этот Гайгер не самый тупой на свете. Сообразил, гад.

– Дураков не ставят командовать армиями, – сказал Меревальд и бросил косой взгляд в сторону Хенгеста, тот как раз ржет над солеными шуточками его свиты, хлопает по плечам как знатных, так и простых воинов, зарабатывая их любовь и преданность.

– А жаль, – сказал я. – Я бы поставил.

Он посмотрел с недоумением.

– Во главе своей?

– Шутите? – ответил я. – А вот Мунтвигу посоветовал бы самых отважных и неистовых продвигать в руководство во имя поддержки доблести. Безумству храбрых поем мы песню...

– Похоронную?

– А вы догадостный, сэр Меревальд!

День прошел в приготовлениях с обеих сторон, наконец я послал к оверлорду гонца с крайне вежливым отказом. Дескать, мнения отцов города разделились, но незначительным большинством голосов было решено город не сдавать.

В их лагере после моего ответа ничего не изменилось, так что, понятно, завтра с утра штурм, но теперь уже при поддержке тяжелых орудий, которых орудиями труда не назовешь.

Вечером снова стали заметнее зарева пожаров, что-то еще так долго горит или новое нашли, затем наступила ночь, и я с тревогой всматривался в костры в ночи, что начинаются чуть ли не от крепостных стен и уходят вдаль, вдаль, так что сливаются на горизонте в единую полосу огня.

В какие-то моменты мне чудилось, будто исполинский пожар охватил всю степь. Багровые языки пламени то и дело вырывают из жаркой полутьмы пляшущих с топотом диких горцев, а остальные хлопают им, орут подбадривающе и постоянно прикладываются к горлышкам винных бурдюков.

Я скинул руку и потрогал лук за спиной. До ближайшего костра, пожалуй, смогу добросить стрелу, пусть и ослабевшую, но не знаю, стоит ли. Пусть располагаются в уверенности, что им там ничего не грозит...

Только бы ничто не задержало Макса, взмолился я неизвестно кому. Господи, хоть ты и не существуешь, но так хочется, чтобы ты существовал!.. И хотя с твоей высоты мы для тебя мельче, чем для нас красные и черные муравьи, сцепившиеся в смертной битве на полное истребление, но все-таки я бы и муравьев остановил, чтоб не дрались, это нехорошо, Господи, ты это тоже как бы понимаешь, я уверен!

Двадцать тысяч в городе, считая и местных жителей, а к городу поступило даже не представляю сколько. Как докладывают разведчики Норберта, за Мунтвигом поднялись все племена, населяющие лесные чащи Ирама, пришли воины из степных союзов Пекланда, явились на зов горные кланы из королевства Эбберт...

Далеко в ночи бесконечной цепью загорелись огоньки. Их становилось все больше и больше, я присмотрелся и понял, что они медленно двигаются к стенам города.

Часть огоньков вдруг поднялись над степью и, быстро увеличиваясь в размерах и яркости, понеслись в нашу сторону. Пару мгновений я думал, что это стрелы с горящей паклей, однако они превратились в огненные шары.

Я запоздало понял, что ночь сыграла со мной злую шутку, исказив размеры и расстояние.

– В укротия! – заорал я.

Люди едва успели сдвинуться с мест, как первый шар ударился о каменные плиты двора. Вспыхнул огонь, рассыпая искры, а шар, подпрыгнув, покатился в сторону темных торговых лавок.

Зигфрид и еще двое из числа сменяющихся телохранителей пытались закрыть меня щитами, словно это может уберечь от брошенного требушетом камня.

– Залить водой! – крикнул я. – Быстро!

Еще три шара с тяжелым грохотом ударились в камни, я слышал, как недовольно вздрагивает крепостная стена. Последний шар угодил в башню, не причинив ей вреда, покатился по земле, оставляя клочья горелой пакли.

– Гасить! – прокричал я. – Гасить быстро!.. Сейчас все прекратится!..

Катапульти обычно рассыпаются после трех-четырех выстрелов, потому после первых же двух им меняют ремни, а это долго, а после десяти вообще ломается все, даже станины.

Требушеты хоть и забрасывают камни дальше катапульт, но у них скорострельность не больше пяти камней в сутки, а самое главное – практически все эти камни лишь устрашают горожан, но не в состоянии ни пробить городские стены, ни сокрушить башни.

А для того чтобы убить пару зазевавшихся горожан, использовать требушеты, катапульти и баллисты слишком накладно. Насколько помню, из таких чаще бросали в осажденные города трупы павших коров или бочки с нечистотами в надежде вызвать заразные болезни.

Я услышал шаркающие шаги, словно человек несет тяжкую ношу. Уже по этому узнал епископа Геллерия, а он, приблизившись, сказал с тяжелым вздохом:

– И снова льется кровь... Хорошо, хоть светлое солнце не видит этот ужас. Иначе бы и оно содрогнулось...

Я возразил:

– Наоборот, святой отец! Многое, что ночью кажется ужасным, день делает просто смешным.

– Ночь придает блеск звездам и женщинам, – произнес он тягуче, – но ужасы войны оттеняет мрачными красками. Какое счастье, что солнце всходит утром, а не ночью!

– Это да, – согласился я. – Все имеет свой закат. Только ночь заканчивается рассветом.

Он вздохнул, сказал как бы про себя:

– Говорят, самые мудрые решения приходят ночью?

– Не искушайте, – предостерег я. – Мне сейчас такая хрень в голову лезет... Осталось только поверить, что это и есть мудрые, и нам вообще ангелы скажут «аллилуйя». Или не ангелы...

– Безумными, – сказал он строго, – могут быть приключения, но герой должен быть разумным! И правитель.

Я покачал головой и возразил горько:

– Бывает, ночью просыпаюсь, начинаю думать, как решить все проблемы, и говорю себе с надеждой: «Нужно сказать об этом принцу, он придумает!» А потом просыпаюсь и вспоминаю, что я и есть тот самый принц.

– Увы, ваше высочество, – сказал он, – чем ближе к вершине, тем меньше у вас спутников. И все чаще решать надо самому, даже посоветоваться не с кем... не так ли?

Мне почудился подтекст, но я все так же смотрел на далекий лагерь, откуда время от времени в нашу сторону летит обернутый в горящую мешковину камень, и ответил, не меняя тона:

– Вы правы, ваше преосвященство, вы правы...

Он чуть нахмурился, будто ждал вежливых возражений типа: ну что вы, ваше преосвященство, я всегда советуюсь с церковью и без ее одобрения даже в отхожее место не войду.

– Я еще похожу среди воинов, – сказал он, – укреплю их дух.

– А я побуду здесь, – сказал я. – Но постарайтесь поспать, ваше преосвященство. Утром наверняка будет приступ.

– Вам тоже поспать не мешает.

Он удалился, я выждал, когда никто меня не видит, отошел в густую тень башни, и там же, со стены, рухнул вниз, в падении превращаясь в птеродактиля.

Ночью даже я вижу хуже, чем днем, хотя остроту зрения не теряю, однако что-то там с колбочками и палочками в глазу, нет цветопередачи, к тому же мешают яркие огни костров, все остальное вокруг них тонет в сплошной тьме, всматриваться приходится до рези в глазах, голова начинает трещать адски.

Я прошел на большой высоте над лагерем, чудовищная картина, весь север двинулся на Юг и расположился здесь под городом. Это мы Юг, три ха-ха, армия просто несметная, только и надежды, что вооружены намного хуже нас, да и общего командования нет, зато их скрепляет не только жажда наживы, как я полагал раньше, но и, увы, вера в правоту своего дела, что для нас весьма даже осложняет войну.

Я ходил кругами на большой высоте, лишь один раз рискнул снизиться, каждое мгновение готовый увертываться от выстрелов из Костяных решеток или Небесных игл, но на такую мелочь никто не позарился, хотя меня и видели, не дракон, зато взвилась целая стая горгулий.

Я в ужасе развернулся и дал деру, эти каменные чудовища раздерут в мгновение ока. Некоторое время они гнались, но у меня скорость повыше, отстали и вернулись, я с облегчением перевел дух.

С горгулиями главное не дать себя окружить, они действуют удивительно слаженно, а вот так ни одна не догонит, какой бы ловкой и быстрой ни оказалась.

Проскочив над городом, я понесся на юг, сердце сжалось в тоске, везде пусто, наконец увидел, как по залитой лунным светом долине движется большое конное войско, почти армия, и сердце застучало чаще и радостнее.

Давай, Клемент, сказал я мысленно, торопись, город к настоящему штурму не готов, это все-таки не крепость...

Приотстав на полсотни миль, идет второе войско, уже с обозом. Как я понимаю, Клемент в нетерпении послал вперед наиболее доблестных рыцарей, что придут первыми и скажут, что помощь уже близко.

Пешее войско Макса я не стал высматривать, вернулся в город, выбрал момент, когда луна подошла к облаку, и нырнул вниз в тот момент, когда сияющий диск ныряет в темноту, в этот миг все темнеет особенно сильно, а потом глаза быстро привыкают, но за это время я между тесными городскими складами превратился в человека и, выйдя на свет, пошел к ратуше.

За ночь в город забросили около сотни каменных ядер. Те проломили две крыши, остальные же падали на землю и раскатывались во все стороны, стучаясь о дома и сараи.

Утром с городской стены было видно, что командующий армией оверлорд Гайгер после неудачного штурма приступил к настоящей полномасштабной осаде.

Для начала он перерезал все пути и дороги к городу, на реке выставил охрану, велел топить любой корабль, который не подойдет по их приказу к берегу.

Перекрыли даже дорогу на болото, куда горожане иногда ходили собирать ягоды. Причем все это время оверлорд бросал отряды на приступ, хотя уже и без прежней ярости, и я понимал, что он решил просто взять измором, намеревается держать осажденных в постоянном напряжении, не давая сомкнуть веки, желая изнурить настолько, что, когда пойдут на очередной приступ, здесь будут лежать вповалку и мало кто поднимется, чтобы сражаться.

По сигналу трубы из лагеря на стены полезли со всех сторон, одновременно требушеты начали снова забрасывать глыбы в город, а две катапульты подошли ближе и начали бросать

камни в городские ворота. Как и водится, те летят чаще мимо, прицельности никакой, но иногда камень все же попадал в тяжелые створки, и те отзывались сердитым гудением.

Лучники перенесли огонь на обнаглевшие катапульты, вскоре так утыкали их стрелами, что те стали похожи на кабанов со вздыбленной шерстью. Их obsлyга сменилась несколько раз, пока уже никого ни бранью, ни угрозами не удавалось заставить занять места погибших.

За это время в лагере подготовили чудовищный таран, огромное сооружение с амбар размером на множестве колес. Из передней части высовывается окованный медью торец бревна. Сопровождают его крепкие воины, мало того, что в добротных доспехах, но еще и с огромными щитами, закрывающими от лучников и даже арбалетных стрел.

Хродульф суетится на воротах, я слышал его командный вопль:

– Как только приблизится – залить горячей смолой!

Кто-то крикнул:

– Ваша милость, чаны уже пусты!

– Так растопите смолу снова! – крикнул он, но в голосе прозвучала безнадежность: не успеют...

Таран приблизился и начал долбить ворота. Створки трещали, но пока держались, широкие полосы металла надежно скрепляют толстые доски, и даже те доски, что лопнули под ударами бревна, не выпали на землю.

Сверху сбрасывают камни, а также требушетные ядра. Горожане сами швыряли их вниз и орали люто:

– Возвращаем!..

– Как вы нам, так и мы вам!

– Получите!

Крышу этого проклятого тарана проломили раньше, чем он выбил ворота. Вокруг подвешенного на ремнях бревна началась суматоха, камни с ворот калечат теперь прицельно. Бревно начало раскачиваться слабее, но и ворота трещат, а одну из створок не удержали петли в стене, она грохнулась во двор, и тут же с радостным победным ревом в пролом хлынули мунтвиговцы.

На стене над воротами раздался вопль ярости и отчаяния, лучники и арбалетчики удвоили стрельбу, мунтвиговцы ринулись по ступенькам на стену, но дорогу заступили воины с мечами, и завязался отчаянный бой, исход которого ясен, но ожесточение схватки только усилилось.

Мунтвиговцы стремились в город, растекались ручьями по улицам. Кто-то сразу начал врываться в дома для грабежа, другие спешили в центр, там не дома, а дворцы, однако навстречу ударили отряды Сколондра и Энглефильда, которым я велел стеречь перекрестки и улицы, что ведут на площадь. Бои закипели яростные, с обеих сторон дрались отчаянно, и хотя в пролом постоянно врываются новые отряды, мунтвиговцы продвигаются с великим трудом, устилая улицы трупами, потому что в них стреляют и бросают камни со всех крыш помимо того, что их убивают и защищающие город отряды.

Арбалетчики хладнокровно расстреливают командиров мунтвиговских отрядов, те, как правило, в металлических доспехах, но арбалетные болты пробивают насквозь тела в сыродутном железе, и нападавшие без руководства обычно теряются на какое-то время, обычно для них роковое.

Мунтвиговцы с яростными воплями вливались нескончаемой чередой через сорванные ворота, в них летели стрелы и камни со стен, крыш, колоколен, но нападавшие, оставляя убитых и раненых, стремились прорваться в центр и овладеть им, что значит захватить город.

Я с большим отрядом атаковал противника у самых ворот, стремясь заткнуть брешь, Хродульф и Меревальд со своими людьми защищали свою часть города, и Хенгест сумел опрокинуть врага в центральной части, истребил и потом прорвался к нам.

Трижды удавалось заткнуть брешь на месте ворот телами нападавших, но мунтвиговцы, озверев, карабкались через гору трупов и скатывались на нашу сторону.

Хенгест, весь залитый кровью, как мясник на бойне, прокричал:

– Стены держатся!.. Леофриг дал половину своих людей!

– Где они?

– Со мной!

– Слава Господу, – сказал я.

Атаки шли одна за другой, яростные и неистовые, но защита становилась все крепче, уже и осторожный Меревальд прислал сюда половину своей дружины, сообщив, что с оставшимися удержит северную стену.

Горожане дерутся наравне с воинами, мунтвиговцев постепенно вытеснили, а те шайки, что разбрелись по городу в поисках добычи, изловили и перебили самым ужасающим образом: вспарывали животы и вытаскивали кишки, перебивали руки и ноги палицами, оставляя посреди улицы. Двух вообще привязали к коням и погнали тех в разные стороны, и животные, разорвав несчастных, поволокли брызжущие кровью половинки.

Постепенно атаки начали слабеть, последняя волна нападающих была совсем жидкой, их даже не перебили, а отбросили, те тут же бросились бежать.

Я заорал:

– Всем немедленно заложить ворота!.. Чем угодно!.. Тащите камни, мешки с песком, землю носите хоть в пригоршнях, но чтоб закрыть как можно скорее!

Зигфрид проговорил с трудом:

– Сэр Ричард... умоляю... Отдых...

– В раю отдохнем, – ответил я и потрогал его лоб. – Ого, у тебя жар!

Он вздохнул, чувствуя, как в его измученное и в который уже раз покрытое ранами тело вливается живительная сила паладина, а я быстро подлечил раны в первую очередь остальных телохранителей и пошел осматривать слабые места обороны.

Глава 4

Солнце опустилось за край земли, а в лагере мунтвиговцев наконец-то протрубили отбой непрерывным атакам. Хенгест тяжело поднялся на стену, уже без шлема, хоть и в полных доспехах, лицо мрачное, но удовлетворенное.

– Мы отбились, – прорычал он с нажимом, – мы показали... Правда, с утра начнется снова.

– Только бы не ночью, – сказал я. – У них людей хватит, а нашим нужно перевести дух.

– Ночью снова будут бросать ядра, – предположил он. – У него четыре требушета!

– Наверное, будут, – согласился я. – Хотя уже понятно, что толку от требушетов сейчас немного, однако наш оверлорд использует все, что у него есть.

– Тогда я посплю, – сказал он. – Сеча была... эх, будет о чем рассказывать!.. Весь город завален их трупами! Надо же, они пробили ворота и ворвались в город, а мы сумели их вышибить! Такого еще не было...

В эту ночь я в нетерпении, едва дождавшись, когда луна скроется в облаках, взвился в темное беззвездное небо и снова полетел на юг, хотя за сутки мало что изменится, но все же. Лететь пришлось недолго, в черноте ночи внизу проступила огненная змея, с большой высоты выглядит неподвижной, но когда начал снижаться, рассмотрел, что она медленно ползет на север, как река огненной лавы.

Сердце мое застучало чаще, преисполненное благодарностью и нежностью. Клемент Фитцджеральд настолько спешит мне на помощь, что ведет конницу при свете факелов даже ночью.

Он не знает, но будто чувствует, что мы в трудной ситуации, хотя должен догадываться, уже зная мой характер и мои привычки, от которых не отступаю.

С большим отрывом от конницы еще медленнее ползет масса светлячков, что может быть только пешими войсками Макса. Макс верит в меня беззаветно, не может даже допустить мысли, что мне с остальными защитниками приходится туго, а спешит потому, что нужно раньше Мунтвига занять замки и крепости, о которые расшибут лбы наступающие войска.

Вернувшись, я прикинул масштаб и соотношение потерь, стараясь сообразить, как будет дальше, и экстраполировать развитие событий в будущее.

Немалая часть мунтвиговцев полегла от стрел из дальнобойных луков, а в моей армии лучники все до единого вооружены только композитными, стрелы и сами тяжелее, и бьют в полтора раза дальше. И даже когда приступы прекратились, воины противника продолжали располагаться за пределами выстрела из лука, как они полагали, но наши стрелки, выждав, когда их накопится побольше, давали дружный залп, а затем еще и еще.

Утром атака возобновилась, причем одновременно со всех сторон, разве что та часть города, где стена вырастает прямо из речной воды, осталась без нападающих, но и там воины Хреймдара внимательно следят за теми отрядами, что подходят угрожающе близко.

Завал, что мы устроили в воротах, – помеха для скачущей конницы, но пешие легко взбирались на гору земли и съезжали по круче вниз, где их уже ждут подставленные пики. Однако их гибнет сотня за сотней, и вал трупов все ширился, заставляя защитников пятиться, чтобы драться не скользя в ручьях липкой крови.

В какой-то момент с южной стороны города донесся многоголосый крик, там взвились клубы черного дыма, взметнулось оранжевое пламя.

Хенгест прислушался, прокричал яростно:

– Они прорвались и с той стороны!

Я крикнул:

– Бери всех своих людей!.. Не дай им прорваться в ратушу!

Он повернулся и убежал, тяжелый, как носорог, а в доспехах так и вовсе как оживший таран, покрытый стальными плитами.

Мы с оставшимися людьми все еще держали оборону против ворот, постепенно отступая, но часть мунтвиговцев перебиралась через защитный вал и разбегалась вдоль стен, чтобы пойти к центру и городской ратуше.

– Медленно отходим! – крикнул я. – Отступаем в боевом порядке!..

Мунтвиговцы сами ослабили натиск. Видя, что мы отходим, лишь самые яростные бросались на стальную стену щитов, то ли вспоминают обиды, то ли мечтают отомстить за погибших друзей, но они тут же гибли и сами, а мы отходили, пока за спиной не оказалась твердыня старого замка.

Я с двумя десятками воинов, не считая Зигфрида с его людьми, охранял ворота, пока наш отряд втягивался в замок, а когда собирались закрыть, вдали показался бегущий в нашу сторону Хенгест, за ним его отряд, увы, сильно поредевший.

– Мы там перебили всех! – прокричал он.

– А мы нет, – сказал я. – Быстро в замок!..

Он подошел и остановился рядом.

– Нет, пока все мои не войдут...

Мунтвиговцы, завидя охраняющих вход двух таких гигантов, о которых уже идет у них в лагере недобрая слава, предусмотрительно остановились, и последние из воинов Хенгеста вошли в ворота, поддерживая раненых.

Мы вбежали последними и быстро захлопнули ворота. Хенгест поднял толстое бревно, служащее засовом, и вложил в петли.

– Да знаю-знаю, – сказал он, – у вас противников было больше!

– А я и не оправдываюсь, – буркнул я. – А вот тут мы на виду, можем блеснуть воинской доблестью.

В двери с силой ударили, но явно еще не настоящим тараном, а так, подобрали одно из бревен или подтащили большой камень.

– Померяемся, – прорычал он воинственно, – хотя это будет и недолго.

– Надо держаться, – ответил я.

– Запереться? – изумился он. – Не лучше ли выйти навстречу и в красивой сече принять бой, выказав беспримерную доблесть, чтобы и враги пели о сражении и рассказывали внукам...

– Нет, – прервал я. – Нет. И дело не в трусости, не надо так это шуриться!

Он спросил нагло:

– А в чем?

– Уже близко армия герцога Клемента, – объяснил я. – Нужно дожждаться! Только дожждаться! Ситуация сразу переменится.

Он сказал скептически:

– А сколько у него людей?

– Меньше, – признал я, – чем этих... но у него настоящая армия, а не этот сброд. К тому же за ним идет...

– Что, – спросил он, – еще одна настоящая?

– Даже больше, чем настоящая, – сказал я. – Скоро все увидите.

– Увидим, – проворчал он, – только пусть поторопятся.

Ворота замка выбили после яростных атак к концу дня. Солнце опустилось за горизонт, на небе полыхает такое зарево, словно вся пролитая кровь выплеснулась на хрустальную твердь и горит там, взывая к мщению, а во дворе завязалась жестокая схватка.

Я велел всем отступить в здания, их пять, теперь превращенные в склады, а еще четыре башни с винтовыми ступеньками, где даже один может удерживать целую армию. Мунтвиговцы

сперва бросились штурмовать последнюю твердыню яростно, но их в залах и холлах положили столько, что остальные отступили в страхе и растерянности: что за люди, что дерутся так отчаянно в ситуации, когда давно нужно признать поражение?

Хенгест сражался рядом со мной и Зигфридом, а когда прозвучал сигнал отбоя, он пошатнулся и даже не смог поднять руку, чтобы утереть пот и кровь со лба.

– Передышка, – прохрипел он, – до утра...

– Это же замечательно, – сказал я с энтузиазмом.

– Ага, – ответил он с тяжелым сарказмом. – Целых пять часов жизни...

– Наберитесь сил, – посоветовал я, – чтобы отдать ее с достоинством! И вбить в землю по ноздри как можно больше противников. Чтобы в их семьях были плач и зубовой скрежет.

Хродульф и Меревальд пересчитали отступивших в замок – оказалось, мы потеряли половину состава. Если нас было около пяти тысяч, то сейчас не больше двух с половиной, причем треть ранены. Священники и лекари обходят их, кого-то поднимают на ноги, кому-то дают причащение, а я подлечил высшую знать, все так же группирующихся вокруг своих лордов, и уже ощутил себя выжатым, как мокрая тряпка.

Я рассчитывал, что, загнав нас в ратушу, где размещаемся с трудом, оверлорд сочтет, что задача выполнена, жрать нам нечего, либо умрем, либо сдадимся, либо сами выйдем, чтобы погибнуть красиво и с честью, однако он с каким-то маниакальным упорством велел прокричать нам, что на рассвете начнет последний штурм.

Фанатик, сказал я себе с отвращением, религиозный фанатик! С такими вообще невозможно иметь дело. У них нет никакой логики, руководствуются не разумом, а своими представлениями о справедливости, потому такие очень часто побеждают там, где пасуют опытные военачальники.

– Всем спать, – велел я.

– Ваше высочество?

– Я побуду на страже, – ответил я. – Не волнуйтесь, мимо меня ничто не проскользнет незамеченным.

С утра начался ожесточенный штурм. Мы завалили трупами противника весь внутренний двор так, что не осталось ни клочка свободного места, куда конь мог бы поставить копыто, затем мы дрались в здании зло и упорно, и наконец-то я услышал с высокой башни дикий крик:

– Они идут!.. Они идут!..

Но лязг мечей, звон доспехов не позволили расслышать, что там выкрикивают еще, мы дрались остервенело и обреченно, однако натиск мунтвиговцев не то чтобы ослабел, но вместо павших под нашими мечами становилось все меньше бойцов противника, наконец в узком коридоре стало совсем пусто.

Внизу со двора раздавались крики, конский топот, звон оружия. Я бросился к бойнице, сквозь узкую щель увидел, как из узких улочек на площадь врывается рыцарская конница на огромных конях, а следом за ними легкие конники Норберта со своим вожаком во главе.

Мунтвиговцы пытаются организовать оборону, но падают, как пшеница под острым серпом.

Отсюда видно поверх крыш домов, как в выбитые ворота вливается железноблещущая рыцарская конница, доносятся слова боевой песни «Восток алеет, солнце встает...» и звуки боевых труб.

Хенгест, весь забрызганный кровью, задыхающийся от усталости, прохрипел:

– Неужели... подмога?... Откуда?

– Армия сэра Клемента, – сказал я счастливо. – Я ж говорил! Он пришел на сутки раньше, чем я рассчитывал... Мы спасены! А завтра-послезавтра притопают и самая лучшая в мире пехота. Мы выстояли, дорогой друг! А теперь...

Я сбежал вниз, а когда выскочил из замка, на площадь ворвалась могучая рыцарская конница на крупных тяжелых конях. Земля загудела под их тяжестью, знамена и баннеры турнедские, а вот это странно...

Во главе скачет высокий и вообще просто чудовищно огромный рыцарь, за плечами красиво развевается белый плащ с огромным красным крестом, такой же крест на груди и даже на шлеме, хоть и поменьше.

Он соскочил на землю, сделал два быстрых шага мне навстречу и преклонил колено с таким рвением, что потревоженная толчком земля недовольно вздрогнула.

– Ваше высочество!

– Сэр, – сказал я в изумлении, – дайте на вас взглянуть!

Он спохватился и обеими руками поднял забрало. На меня взглянули беспощадно голубые глаза Зигмунда Лихтенштейна, мятежного барона, чьи земли стали камнем преткновения между Турнедо и Варт Генцем.

– Встаньте, барон, – сказал я, – и дайте вас обнять. Скажу без преувеличения, ваше неожиданное появление спасло много жизней наших доблестных воинов и цвет рыцарства Варт Генца. Я этого не забуду, и никто не забудет!

Он счастливо улыбался, в самом деле успел вовремя, а я покосился на его людей, пятеро из них выделяются таким же гигантским ростом, шириной плеч и вообще размерами.

– Ваши братья?

– Позвольте представить? – спросил он.

– Приказываю!

Он повернулся к ним и сделал приглашающий жест, что вообще-то равносильно приказу.

Рыцари дружной группой подошли и разом преклонили колена. Я с изумлением увидел среди них герцога Сулливана, того гада, что сумел одолеть меня в честном поединке на глазах всего войска и тем самым добиться независимости своих владений.

Зигмунд подошел к нему первым.

– Ваше высочество, – сказал он торжественно, – позвольте представить герцога Сулливана, ставшего в трудные для моих земель годы моим названным братом!.. Он является непревзойденным...

Я прервал:

– Простите друг, но герцог не нуждается в представлении. Свое непревзойденное мастерство он доказал на глазах всего моего войска, когда одолел меня в поединке. И я рад, что он с нами. Встаньте, сэр Сулливан. И... благодарю вас.

Сулливан взглянул пылливо, всерьез ли я, но явно был польщен, что я при всех упомянул о его победе надо мной, во всем моем войске второго такого нет, его запомнят.

Зигфрид тут же сказал:

– А это мой брат Кристиан, моя верная опора во всех хозяйственных делах, но и в ратных не уступает никому.

Я поднял с колен и обнял Кристиана, а затем Колина, Ховарда и Гордона, самого младшего по возрасту, как сообщил Зигмунд, но первого по доблести.

Гордону, как я понял, не больше семнадцати, весь горит восторгом битвы и жадой подвигов, так что да, в этом возрасте пока не до скучных хозяйственных дел.

Я милостиво похлопал его по плечу.

– Подвигов впереди – пруд пруди! Но приказываю всегда держаться с братьями, самому ни-ни!.. А братья пусть за тобой присматривают.

Как только их увели кормить и показывать места отдыха, за спиной гроыхнуло железо, на меня упала грозная тень человека в доспехах и в шлеме.

Сулливан приблизился с некоторым напряжением в движениях, не понял еще, как следует держаться со мной, взглянул мне прямо в глаза, сдержанный и суровый.

Я произнес вопросительно:

– Герцог?

Он поклонился чуть-чуть.

– Ваше высочество...

– Что вы хотели сказать, – поинтересовался я, – но не стали, чтобы не портить радость и торжественность момента?

Он произнес мрачно:

– Ваше высочество, я по-прежнему не признаю вас сузереном королевства Сен-Мари. Его Величество Кейдан – законный король.

Мои лорды, что не отходят от меня ни на шаг, нахмурились, кое-кто начал демонстративно вытаскивать меч на треть из ножен и со стуком бросать обратно, а Сулливан договорил так же твердо и уверенно:

– ...однако здесь я властелин поместья в королевстве Турнедо, где вы являетесь сюзереном. Я признаю вас командующим всеми армиями, что выступили против орд Севера, и единственным, кто может объединить королевства и дать Мунтвигу отпор.

Епископ Геллерий кивал и выразительно указывал мне взглядом, что это надо принять, сейчас не до выяснения отношений и сведения счетов.

Я нахмурился и ответил резко:

– Мне нет дела до ваших монархических взглядов, роялист вы наш!.. Мне нужно, чтобы вы хорошо сражались, а большего я и не требую.

Сулливан поклонился.

– В этом случае я полностью в вашем распоряжении. Приказывайте, ваше высочество!

– Отдыхайте, – буркнул я. – Завтра тяжелый день.

Он еще раз поклонился и ушел, полный достоинства и некоего величия, словно Люцифер после дебатов с Господом.

Норберт подошел и встал молча рядом, а потом проронил задумчиво:

– Интересно...

– Что? – спросил я с подозрением.

– Услышу ли я когда-нибудь, – закончил он, – от вас что-то типа «завтра будет легкий день»?

– Он будет, – пообещал я недовольно, – однако все равно так не скажу! Не дождетесь.

Глава 5

Закрыв горловину, через которую в город ворвались первые отряды мунтвиговцев, пришедшие помогли местным быстро очистить улицы и площади от попавших в западню. Те пытались затеряться между домов, но горожане усердствовали, вымещая на них страх и злобу.

Я видел, как в разных частях города вспыхивают короткие, но яростные схватки, оттуда доносятся крики и лязг оружия, а когда все затихает, на улицах остаются растерзанные тела.

В замке быстро поставили новые петли и заново навесили ворота, а за это время, как догадываюсь, оверлорд Гайгер наконец-то получил проверенные донесения, что в спину захваченному городу ударило совсем крохотное войско, хоть и все из могучих и прекрасно вооруженных рыцарей.

Это было видно еще и по тому, что немедленно погнал было отряды на новый штурм, нужно заново отбивать захваченный было Баббенбург, однако на небе полыхает красное зарево, солнце зашло, и на мир опускается недобрая тьма...

Я слышал, как в лагере протрубили отбой, и отряды с явным облегчением начали возвращаться обратно.

Норберт докладывал о расположении войск противника, ночью вряд ли начнут штурм, хотя разъярены такой неудачей в самом конце, когда оставалось вроде бы только дожать, однако к утру нужно быть готовыми.

Зигмунд, отправив братьев устраиваться на ночь, оставался при мне, стараясь понять наши шансы.

Норберт сказал ему бодро:

– Вы успели вовремя, сэр Лихтенштейн.

– Надеюсь, сэр.

– Теперь будет легче, – сказал Норберт. – Из Турнедо идет большая армия герцога Клемента Фицджеральда, вы его видели.

– Хорошая новость, – ответил Зигмунд, но на лице его не отразилось особой радости, словно и без Клемента справились бы.

– За Клементом подойдут еще, – добавил Норберт.

Зигфрид выслушал с интересом, но покачал головой и повернулся ко мне.

– Я ничего об этом не знал, – произнес он почтительно. – Ваше высочество, я успел раньше потому, что мои земли, как вы помните, на границе Турнедо с Варт Генцем. Ваш Клемент должен был пройти мимо моих владений через неделю после того, как я поспешил в Британию.

– Он придет раньше, – заверил я, – чем через неделю.

– Каким образом?

– Он ведет только армию, – пояснил я. – Без обоза. И что нам здесь нелегко... знает. Или просто понимает.

– Прекрасно, – сказал он с энтузиазмом. – Тогда и дадим бой! Я помню сэра Фицджеральда, знатный воин!.. Он уже герцог?

– Со мной люди растут быстро, – обронил я скромно.

Он взглянул на меня с интересом, тяжелое крупное лицо расплылось в сдержанной улыбке.

– Как и вы, ваше высочество.

– Для чего мы и живем, – ответил я высокопарно, – если не стараемся доставить радость друг другу?

Он поклонился.

– Ваше высочество, мы будем стараться доставить вам радость нашим верным служением вам.

– Рассчитываю на вас, сэр Лихтенштейн, – ответил я. – Служите верно, и родина в моем лице вас не забудет.

Он откланялся, понимая, что долго занимать пустячной беседой всегда занятого лорда неприлично и даже непристойно, а я смотрел ему в широченную спину и напряженно думал о его землях, спор из-за которых весьма осложняет отношения Турнедо и Варт Генца.

Еще один лишний камушек на чашу весов, сказал я себе мрачно, чтобы понятия «Турнедо» и «Варт Генц» стали только географическими.

Со стен города видно, как и при свете костров на стороне мунтвиговцев наблюдается вялое и очень разочарованное шевеление. К главному шатру то и дело подъезжают военачальники, а между городом и лагерем теперь расположились, как понимаю, наиболее боеспособные и стойкие отряды.

Катапульти пока молчат, до требушетов Зигмунд и его люди добраться не сумели, да не было такой задачи, потому первые камни в сторону города полетели, как только оверлорд Гайгер получил исчерпывающие сводки о положении дел.

Норберт поднялся ко мне на стену и сразу сказал раздраженно:

– Хоть толку от них и никакого, но раздражают! В следующий раз доберусь...

– Думаю, – ответил я, – требушеты охраняют не меньше, чем самого оверлорда. И священники, мимо которых ни один незримник не пройдет.

Он повторил:

– Раздражают...

– Подойдет Клемент, – сказал я, – тогда и посмотрим, что можно сделать. Шли бы вы спать, дорогой друг!

Он покосился на молчаливого Зигфрида, что старается не привлекать внимания, чтобы я не отправил его сторожить мои покои.

– А вы?

– Пойду поговорю с епископом, – сообщил я. – Он тоже не спит ночами. Как и днем.

Он понимающе кивнул, епископ Геллерий, к нашему удивлению, оказался намного сильнее и полезнее, чем мы ожидали. Уже стало известно, что он рассмотрел пробиравшуюся через спящих у стены воинов некую тень и что-то отбирал у них незримое, а спустя некоторое время по его молитве с одного из воинов спала личина, и все увидели безобразное чудовище, а оно, едва поняло, что разоблачено, с ревом бросилось на людей, успело двух покалечить, пока его не изрубили. Всю ночь он объезжает воинский лагерь, хоть и не на коне, а на муле, как положено священнослужителю, бодрый и с прямой спиной, посвежевший на вольном ветре и с блестящими от возбуждения глазами.

Ришелье тоже стал епископом поневоле, а в молодости после окончания колледжа поступил в Военную академию, и только крайняя нужда заставила принять церковный диоцез, как единственный источник существования всей семьи. Возможно, и этот епископ изучал теологию по принуждению, но, как и Ришелье, достиг успехов, о чем говорят его немалые возможности по защите города.

Я посмотрел, как он строго и уверенно ободряет воинов, объясняет, какое великое дело совершают, а когда он отправился к другой группе, пошел рядом и поинтересовался:

– Ваше преосвященство... вы говорите, что убийство язычников... прямой путь на небо, но как же с заповедью «не убий»?

Он ответил уклончиво:

– Не желающих принимать крещение – да...

– А убийство христиан, что принадлежат, к примеру, к апостольской церкви?

– Эти еще хуже язычников, – отрезал он, сразу ожесточаясь. – Их нужно убивать без пощады, ибо только так можно высвободить их души... пока их хозяева не набрали еще больше грехов, как собаки блох!

– А если, – сказал я, – убиваешь в его доме, убьешь также всех женщин и детей?

Он вздохнул.

– Да, это грех, потом придется отстоять ночную мессу, чтобы священник очистил твои руки от крови.

– И все?

Он подумал, ответил почти уверенно:

– Да вроде бы все. Но на всякий случай, чтобы уж совсем быть чистым и правым, не мешает часть захваченной добычи пожертвовать в пользу церкви. И это в самом деле все!

Я вздохнул.

– В общем, убийство еретиков – как бы не убийство...

– Не как бы! – сказал он строго, но, на мой взгляд, слишком громко и слишком твердо.

– Не убийство, – согласился я. – Как не убийство – забой скота.

– Есть разница...

– В чем?

– Скот не наделен душой, – объяснил он. – А у человека, даже у язычника, она есть, тем более у еретика. Потому его убивать хоть и нужно, однако потом помолиться, прося прощения за невольный грех...

– Но все же грех?

Он уловил, куда клоню, сказал настойчиво:

– Этот грех церковь берет на себя!.. Грех, совершенный ради нас, не может быть тяжким. Церковь, выполняя волю Господа, решает, как и где ее выполнить лучше. Ты ведь знаешь, прожить всю жизнь без греха невозможно. Особенно когда живешь, а не... Еще здесь, на земле, церковь взвешивает твои деяния, и, если ты совершил некий грех для спасения чьей-то души, тебе даруется прощение. Мунтвиг – зло!

Понятно, проплыла грустная мысль. Епископ понимает, что я вряд ли буду в самом деле выворачивать душу, даже со священниками не бываем искренними до предела. Видимо, функции любого священнослужителя в армии не столько как духовника, сколько как надзирателя от лица церкви за такими вот своенравными и непредсказуемыми воинами, что должны быть в первую очередь Воинами Церкви.

Ночью небо снова озарилось зловещим пламенем летящих в город каменных шаров, иногда раскаленных, иногда просто обернутых в горящую ветошь.

Горожане и городская стража следили за их полетом и сразу же бросались тушить, так что ни одного пожара за всю ночь так и не вспыхнуло, разве что один из местных зашиб ногу о раскаленный камень и опалил полу длинного, по местной моде, кафтана.

С утра начался приступ, все жители города на этот раз были на стенах, бросая во взбирающихся по лестницам камни, палки, горшки, и всем довелось увидеть великолепное зрелище, которое никогда не забуду: вдали показалась конница, а по мере того как приближалась, становились отчетливо видны рыцари в полных доспехах и с пышными султанами на шлемах, огромные кони под цветными попонами и со стальными налобниками, и земля начала подрагивать и все громче постанывать под непомерной тяжестью.

Я чувствовал, что кони не просто устали, а измучены, однако рыцари послали их в галоп, с ходу смяли и рассеяли нападавших, в то время как другая группа клином врезалась в лагерь, где сразу же началось не побоище даже, а избиение.

В разных местах мунтвиговцы собрались в группы и организовали сопротивление. Я присмотрелся: оверлорд выстраивает дружины, от него скачут гонцы во все стороны с поруче-

ниями. Разбегается только чернь, осаждавшая город, а сам костяк в лагере, где несколько десятков, а то и сотен настоящих рыцарей, держится сравнительно спокойно и готовится к сокрушительной атаке.

Я заорал:

– Сэр Зигмунд, выводите своих людей!

– Ударим, – крикнул он, – со своей стороны?

– Да, – крикнул я. – Хенгест?

– Уже иду, – прокричал Хенгест гулко и захохотал.

– Быстрее, быстрее! – закричал я. – Пока он не понял, что снова подошла только небольшая группа, как в прошлый раз!

Со стен бегом скатывались все воины, кроме часовых, а из южной части города на рысях выметнулись дружины Меревальда и Леофрига. Я поискал взглядом Хродульфа, но тот торопливо собирает своих людей и что-то кричит им сорванным голосом, явно объясняя посильную задачу, которая некоторым кажется почему-то непосильной: всего-то и делов, что отбросить нападающих обратно в лагерь.

– Быстрее разобрать завал! – закричал я. – Всех лучников на стены! Арбалетчики!

Завал разобрать не успели, теперь с этим непросто, но освободили дорогу от вкопанных там острых кольев, и конница Зигмунда, с трудом взбираясь на гору земли, переваливалась на ту сторону, откуда с азартом атаковала на отдохнувших конях лагерь противника.

Лорды Варт Генца спешно вывели почти все свои войска и ударили с не меньшим азартом. От них просто разбегались, две тысячи рыцарей и тяжеловооруженных конных всадников сразу смяли передние ряды и пошли врубаться все глубже и глубже.

Я наблюдал с ворот настила, при мне Хродульф и Меревальд, а Хенгест и Леофриг с таким азартом рубятся там внизу, приближаясь к лагерю, словно всю жизнь мечтали об этом дне.

Сеча тяжелая, я не сразу заметил некую неправильность в расположении войск, а когда спохватился, заорал во весь голос:

– Отбой!.. Трубить немедленно отбой!.. Всем возвращение в город!

Меревальд ткнул в бой трубача, тот судорожным движением вскинул к небу раструб и прижался губами к мундштуку.

Звонкий зов прорезал воздух и стремительно понесся в сторону бранного поля.

– Еще! – потребовал я. – Еще!.. Там хватает тугоухих...

Красиво и четко взаимодействуя, обе группы прибывшего рыцарского войска некоторое время гнали перед собой противника, затем одновременно развернули коней и помчались к городу.

Хенгест со своей дружиной еще рубился, демонстрируя, что он сам по себе и никакой Ричард ему не указ, будь он хоть трижды Завоеватель. Леофриг сражался с левой стороны, наконец оба повернули коней.

Навстречу выскакивали горожане и, хватая коней под уздцы, помогали затаскивать на вершину высокого вала, и оттуда те уже сбегали вниз, где их опять подхватывали под уздцы и уводили бегом, освобождая место другим.

Обозленные мунтвиговцы не сразу сообразили, что прибыла не огромная армия, но, как только командиры поняли, что снова лишь небольшое войско, пара отрядов попробовали вяло догнать отважных героев у самого города и порубить хотя бы последних, но со стен, прикрывая отступление, дали такой дружный залп, что первой тучи стрел хватило, чтобы треть сразу свалились с седел. Многие пали лицом на гриву, а раненые кони не слушались поводыев, вздымались на дыбы и били соседей копытами.

После отступления снова все поле покрылось трупами, и вскоре от мунтвиговцев явились с белыми флагами перемирия и принялись забирать убитых и раненых.

По эту сторону ворот суматоха еще не затихла, спешенные рыцари, отвечая на вопросы местных и лордов Варт Генца, направились ко мне.

Один остановил их властным жестом и, подойдя ближе, преклонил колено.

Забрало на посеченном шлеме уже поднято, на меня взглянули серьезные глаза Геллермина.

– Ваше высочество...

– Ох, – сказал я с нескрываемым изумлением, – вы как нельзя кстати, дорогой друг. Но как вы здесь оказались так скоро?

Он поднялся по движению моих пальцев, на меня взглянули его блестящие боевым задором глаза, – теперь уже не интендант Савуази, а снова наконец-то на коне и в бою.

– Простите, ваше высочество.

Я обнял за плечи и сказал с тревогой:

– А где сэр Клемент?

Он ответил поспешно:

– Все в порядке, мы просто его чуть обогнали. Вы же сказали, чтобы я собирал всех, кого смогу, и выступал в Бриттию? Охотников набралось больше, чем я ожидал. А так как мы без обоза, то армию Клемента догнали, одну ночевку провели в их лагере, они с нами поделились сухим пайком, и мы снова вперед.

– Прибыли очень даже вовремя, – сказал я с чувством.

– Спасибо, ваше высочество!

– Боюсь, – сказал я, – сэр Клемент не поспел бы вовремя. Очень уж оверлорд Гайгер, это полководец Мунтвига, старается нас выковырять из-за этих стен...

– Вас все равно не сумеет, – заверил он с жаром.

– Пусть ваши люди занимают оборону, – предупредил я. – Гайгер, как только поймет, что преимущество в силе все еще у него, снова попытается взять город приступом. Надеюсь, отобьемся.

– Нам нужно продержаться до подхода Клемента? – спросил он. – Это нетрудно. Мы его обогнали всего на сутки.

Горожане спешно с помощью местных воинов снова укрепляют насыпь, вбивают острые колья, что остановят коней, над воротами расширили и укрепили навес, откуда лучники будут поражать наступающих, а также сложили запас тяжелых камней.

Я собрал у ворот военачальников, где верховные лорды Варт Генца познакомились с Лихтенштейнами и Геллермином, обсудили варианты обороны, я еще раз заверил всех, что как вот подошло это малое, но весомое подкрепление, так вскоре прибудет и настоящая армия под руководством герцога Фицджеральда.

Юный Гордон, самый младший из Лихтенштейнов, вскрикнул в восторге:

– Как здорово!.. И погоним их обратно?

Братья лишь усмехнулись детской непосредственности, но Зигмунд отвесил ему подзатыльник.

– Сперва нужно выиграть войну, – сказал он сурово. – А она состоит из множества битв, сражений и боев.

– А также осад и штурмов, – добавил старший после него брат Кристиан.

Хродульф прогудел властно:

– Мы поступили несколько опрометчиво, углубившись так далеко в земли соседнего королевства и оторвавшись от своих сил... но, надеюсь, теперь наше положение укрепитя.

– Сейчас уже вечер, – сказал я, – ночного штурма ждать не следует... видимо. Во всяком случае, в ночном бою у нас преимуществ больше. Оверлорд это понимает.

Хродульф спросил мрачно:

– Отдых?

– Всем, – согласился я, – кроме вашей дружины. Раз она не принимала участия в вылазке, то пусть займет оборону по всему периметру стены.

Он нахмурился, а Хенгест обронил добродушно:

– Его высочество сказал верно, ночного приступа не будет, так что ты ничего не потеряешь. И драться не придется!

Он захохотал, Леофриг захохотал еще громче, словно телегу с камнями везет бегом с горы, даже Меревальд скупно улыбнулся, а Хродульф поморщился, но кивнул и удалился.

Я взял Геллермина под руку и отвел в сторону.

– Как настроение в Савуази? Что говорят о предстоящей войне?

Он взглянул на меня в некотором удивлении.

– Ваше высочество, в Турнедо вас рассматривают как законного наследника Гиллеберда, настолько вы похожи во всех делах. Только вы помоложе и удачливее. Так что все уверены в ваших победах!

– Да? – спросил я с сомнением. – Их бы веру да Богу в уши... А как вам перемена роли? Не лучше ли было на спокойной должности всетурнедского интенданта?

Он неожиданно смутился, так мне показалось, потом сказал странным голосом, но улыбаясь во весь рот:

– Зато наконец-то повидать мир.

Я поинтересовался с недоумением:

– Дорогой друг, я слышал, вы частенько выбирались за пределы нашей Армландии. Участвовали в разных войнах, побывали в целом ряде королевств... И этого вам мало?

Он вздохнул сокрушенно и взглянул искоса.

– Увы... мало.

– Почему?

Он помялся, даже оглянулся по сторонам и ответил почти шепотом:

– Ваше высочество, я с ранней юности, когда был еще даже не оруженосцем, а пажом, мечтал об идеальной женщине, что станет моей женой!.. И когда повзрослел, мечта не ушла, представьте, разве что стала реальнее. Я стал рыцарем, много лет странствовал в поисках приключений, побывал в далеких землях, встречался с разными женщинами.

– И... как?

Он развел руками.

– Однажды почти нашел такую... Уже переговорил с нею, потом с ее родителями, готовились сыграть свадьбу, но я обнаружил, что она идеальна во всем, даже меня начала поучать, как себя вести, что делать, кому что сказать...

– Понятно, – сказал я. – А потом, неужто не встречались еще?

– Встречались, – ответил он с горестным вздохом. – Следующая была первой красавицей королевства, однако любила шутить как над всеми вокруг, так и надо мной, а шуточки у нее были острые... Потом одну отыскал прекрасную лицом и нравом, но она только гляделась в зеркало и требовала новых нарядов... Потом были еще и еще...

– Тогда у вас впереди большой выбор, – сказал я утешающе. – Мы пройдем Бриттию, Ирам, Пеклант, Сакрант... может, еще какие-то земли, вот уж посмотритесь!

– Надеюсь на это, – сказал он с чувством. – Должны же мои странствия когда-то увенчаться успехом?

– Отдыхайте, дорогой друг, – сказал я. – Пусть Господь присмотрит за вами и вашими людьми, что явились так вовремя.

Глава 6

Наутро штурм возобновился с такой яростью, словно оверлорд решил положить трупами хоть всю армию, но захватить и уничтожить проклятый город, что даже будучи захваченным, сумел выбить его отряды и теперь снова глумится со стен.

За эту ночь собрали катапульты и подтащили их поближе. Наши лучники пытались перебить стрелами обслугу, но охрана выставила широкие щиты из плетеных веток.

Пришлось их пока оставить, важнее постоянно сдерживать набегающих со стороны ворот, что прут лавой, высокая насыпь в воротах стала еще выше за счет трупов, хотя те и скатываются по обе стороны, однако атака не прекращается и некоторые группы, оттеснив сражающихся в первых рядах братьев Лихтенштейнов, Сулливана, Хенгеста, Леофрига и прочих наших лучших героев, снова прорвались в город.

Я, сдерживая себя, поднялся на ворота. Поле сражения чересчур обширно, нельзя оставить его без присмотра и просмотреть неожиданный удар в спину или же, напротив, заметить удачную возможность для своих войск...

С высоты я увидел то, чего не замечают ни наши, ни, к счастью, военачальники оверлорда Гайгера. С южной стороны из-за леса показались всадники, я напряг зрение и рассмотрел знамя Турнедо.

Двигаясь рысью, они приближаются к нам, держа между собой и кипящей схваткой высокие стены города. По всему видно, что двигались по своему обыкновению всю ночь, теперь бы остановиться на отдых, но, если глаза не подводят, вон впереди сам грозный Клемент Фицджеральд напряженно всматривается вперед, рядом скачут те, кому он безоговорочно доверяет в бою, а следом несметная масса тяжелой рыцарской конницы, несокрушимой в бою, готовой проломить любую оборону...

Взмахом руки Клемент разделил конные ряды, часть пошла огибать город, а другие двинулись, набирая скорость, на сам лагерь.

Атакующие ворота и стены ничего не замечали, кроме противника в городе, а в лагере следили неотрывно за штурмом и постоянно посылали подкрепления, потому неожиданно возникшую конницу увидели, только когда она надвинулась, как свирепый ураган, как лавина с горы.

Натиск рыцарской конницы был страшен. Даже на замученных конях они прошли настолько рядом, словно перед ними не люди с оружием в руках, а чертополох, а когда замедлили ход, то даже непонятно, противник ли сумел собраться и оказать сопротивление либо же просто кони запросили отдых.

– В контратаку! – заорал я. – Клемент уже в их лагере!.. Выйдем и поможем!

В городских воротах в третий раз горожане и стражники поспешно вытаскивают из вала колья, первой пошла из города конница Лихтенштейнов и Сулливана, затем дружины всех четырех верховных лордов и наконец войско турнедских добровольцев под началом Геллермина.

Город опустел, жители и городская стража высыпали на стены и орали там, потрясая оружием, создавая впечатление, что готовы к бою, хотя я с ужасом подумал, что если в моих расчетах брешь, то город точно потеряем, защищать его некому.

Зайчик нетерпеливо фыркал внизу, я примерился и прыгнул со стены, вызвав восторженные крики наблюдавших за мной горожан. Не знаю, как это герои соскакивают с балконов прямо в седла, я ударился причинным местом так, что в глазах потемнело. С застывшей улыбкой кое-как, почти вслепую, разобрал повод и наугад повернул арбогастра вроде бы в сторону ворот.

Он почти перепрыгнул вал, а в моей голове мелькнула опасливая мысль, не дали бы мне за такой прыжок какое-нибудь вроде лестное, но сомнительное прозвище...

– За веру, – закричал я страшно и обнажил меч. – За меня... и отечество!

Мунтвиговцев тысячи и тысячи, но ничего не могли противопоставить бронированной и прекрасно обученной коннице Клемента. Они гибли сотнями, он сам рубился во главе элитного отряда рыцарей, постепенно и шаг за шагом раскалывая войско врага надвое.

Находились храбрецы, что во главе своих отрядов пытались заступить дорогу, но и они гибли так же быстро, а рыцари с Юга выглядят неуязвимыми настолько, что суеверный ужас проник в сердца мунтвиговцев.

Раздались крики:

– Заговоренные!

– Их железо не берет!

– Это сами дьяволы!

Рыцари Клемента рубят мощно и часто, одного удара почти всегда хватает, чтобы противник выронил меч и начал валиться с коня, и тут же стальные лезвия искали новых противников.

Лихтенштейны прорубили проход в войске штурмующих, Сулливан идет рядом с Хенгестом, соревнуясь с ним в силе и доблести, оба гиганты, оба несокрушимы настолько, что вскоре от них простые воины начали разбегаться, а герои из армии оверлорда тщетно пытались выстоять под их напором и исчезали под копытами их коней.

В середине лагеря у шатра оверлорда кипит суматоха, он сам на рослом жеребце раздает указания. Я всмотрелся и со злой радостью понял, он уверяет, что противник подходит малыми отрядами, надо не дать ему обмануть себя, сражайтесь...

– Сражайтесь до победы! – закричал я.

Наши рыцари, завидя меня, поспешили навстречу, стараясь укрыть щитами и своими телами, но я устремился вперед. Они вынужденно ринулись следом, а я вломился в плотные ряды рыцарского отряда, опрокинул первых всадников вместе с конями, пошел дальше, а за мной с победными криками прорубались Зигмунд, Сулливан и Хенгест, а Зигфрид, не обращая внимания на сыпавшиеся на него удары, все старался закрыть меня щитом или своим телом.

Постепенно паника распространилась на все войско Гайгера. Сперва бежали самые нестойкие, затем примкнувшие ради грабежа, а сам оверлорд и верхушка его рыцарей напрасно пытались остановить бегущих, тщетно кричали и били их плашмя мечом, призывая остановиться и сражаться. Ничего не помогало, и тогда Гайгер повернул коня и, пришпорив, ринулся в сечу, стараясь пробиться к самому Клементу, угадав в нем главного.

Я поспешно послал Зайчика наперерез, однако приходилось проламываться через плотную толпу, а оверлорд уже прорубился к группе Клемента. Я охнул с жалостью, а Клемент двумя мощными ударами расколол щит оверлорда, тот в отчаянном прыжке попытался достать его мечом в лицо, но лезвие лишь высекло синюю искру из стального наплечника.

Клемент ударил в свою очередь, и оверлорда словно ветром сдуло с седла.

Зайчик проломился наконец к Клементу. Тот обернулся, перехватил мой взгляд.

– Ваше высочество?

– Он жив? – крикнул я.

– Конечно, – прокричал он. – Он же главный? Я таких всегда стараюсь брать живыми, как рыбу из пруда.

Двое его людей соскочили с коней, их прикрыли щитами, а они, подхватив бездыханного оверлорда, бросили поперек седла на его же коня. Клемент велел одному из молодых воинов доставить в город и беречь пленного пуще глаза.

Оверлорда на всякий случай еще и привязали, я проследил взглядом, как его под охраной быстро повезли в город. Группа рыцарей из его лагеря бросилась на помощь, но отчаянный

порыв разбился о Лихтенштейнов, они выдержали удар, как скалы на берегу выдерживают натиск волн, а их мечи с каждым ударом освобождали коней от седоков.

Я вступил в бой рядом с Клементом, но вскоре крикнул ему:

– Тише, тише!.. Пропустим рыцарей вперед!

Он обернулся.

– Ваше высочество?

– Нужно видеть, – объяснил я сердито, – все поле битвы. Отвыкайте первым бросаться в битву. Нам нужно знать, где что происходит. Вы уже герцог, не забыли?

Он ухмыльнулся.

– Так все просто, враг бежит, нужно добивать, ничего сложного. А к герцогству я еще, уж простите, не привыкну никак.

– Почему?

– Слишком быстро.

Бой длился еще около трех часов. Отдельные военачальники, не в состоянии поверить в поражение, бросали свои отряды в сечу, надеясь переломить ход сражения.

К несчастью, все в их войске уже поверили, что и сейчас прибыл крохотный отряд, как и в два предыдущих раза, и что нужно еще чуть-чуть выстоять, и будут как разгромлены прибывшие, так и окончательно захвачен этот огромный город.

Они упустили возможность отступить в боевом порядке и вывести из-под удара многочисленный обоз, а когда в полном разгроме убедились все, бегство стало массовым и беспорядочным, когда в панике бегут все и убивать их можно до тех пор, пока не устанут руки.

Здесь во всем блеске показала себя конница Норберта на отдохнувших и уже застоявшихся конях. Они пошли широким фронтом следом, я видел только сверкающие над их головами клинки, а за ними оставалось поле, темно-красное от трупов, плавающих в своей же крови.

Даже рыцари, пытающиеся спастись бегством на своих тяжелых конях, укрытых броней, гибли, как мухи, поражаемые в спину, а норбертовцы догоняли следующих, рубили, догоняли и снова рубили.

Еще не наступил полдень, а город и все окрестности были очищены от противника. Норберт продолжал преследование, кони у него самые быстрые и неутомимые, будет гнать, истреблять, никого в плен, и так весь день до самой ночи. Если и останется кто, сумевший укрыться или притвориться мертвым, то Мунтвиг не скоро получит весть о полном уничтожении своей головной армии.

Из города сообщили, что оверлорд Гайгер пришел в себя, но дал слово благородного человека, что не попытается бежать. Я велел убрать любую охрану, ибо если сбежит, то навлечет позор на себя и армию, в которой служит, так что пусть бежит, если хочет.

В лагере уже победный грабеж, но, к сожалению, хотя брошенный в спешке и оказался угрожающе огромным, но поживиться в нем почти нечем. В головной армии шла голытьба и союзные войска местных или пожелавших разбогатеть на грабежах окрестных племен. Только и того, что у начальников отрядов оружие обычно украшено драгоценными камешками и почти у всех командиров кое-что находилось в поясах и зашито в седлах.

Прибыли конные разъезды Норберта, посланные навстречу армии графа Максимилиана, те доложили с ликованием, что она уже близко, прибудет к вечеру. С ними большой обоз, где кроме больших запасов продуктов еще и все необходимое для ремонта доспехов и полевых работ.

– Обоз у нас уже есть и так, – сказал я, выслушав доклад, – Оверлорд Гайгер весьма предусмотрительный военачальник. У него в обозе столько вещей, что жители Баббенбурга уже скупают все ненужное нам за бесценок.

– Это лучше, – заметил Хродульф хозяйственно, – чем выбрасывать. Ваше высочество, что делать с пленными?.. Выкуп сами назначите?

Я поморщился: значительная часть рыцарей, наиболее знатных и гордых, не сочли для своего достоинства возможным бежать с поля боя, как поступили менее щепетильные, но когда оказались в окружении таких же рыцарей, разве что закованных в прекраснейшие вестготские доспехи, а гиганты Лихтенштейны, Сулливан и Хенгест во главе своих отрядов начали крушить их ряды, ворвавшись, словно свирепые вепри в камыши, они сопротивлялись достаточно долго, чтобы выказать свою доблесть, неустрашимость и избежать упреков в малодушии, а потом бросили мечи на землю.

– Пойдем взглянем, – сказал я. – Пленные... вот не люблю это дело!

– Брать в плен? – спросил он в удивлении.

– Само пленение, – ответил я. – Что-то в нем неприятное для обеих сторон.

Он покосился в удивлении – что-то принц чудит, это же так замечательно покуражиться над пленными, показать себя хозяином, напомнить, что мы сильнее, умнее, мудрее, отважнее.

Рыцари сидят на земле, с них взяли слово чести, что не убегут, и потому не стали связывать.

Пока я присматривался к ним издали, тупо размышляя, что с ними и как, подошел сияющий Меревальд.

– Ваше высочество, – доложил он бодро, – здесь пятьсот двадцать два человека!

– И все рыцари? – спросил я с недоверием.

– Да, – подтвердил он. – Очень много выходцев из знатнейших семей Ирама, человек пятьдесят из Пекланда и трое из Сакранта.

– Интернационалисты, – подытожил я. – Что ж, наш прогнивший режим свергнуть не так просто.

Меревальд в изумлении вскинул брови.

– Ваш режим успел прогнить?

Я отмахнулся.

– Любой режим, против которого борются, – прогнивший, коррумпированный, разложившийся, бесчеловечный, негуманный, деспотичный, нелегитимный.

– А... они? – спросил он обалдело. – Они борются против... какого?

– Тоже против прогнившего, – пояснил я, – а в довершение ко всему еще и поклоняющемуся ложному богу.

– Но ведь... они тоже славят Христа?

– У них не тот Христос, – пояснил я, – и не те святые. И Бог какой-то кривой, и Сатана у них дурнее... В общем, в белом только мы, а они в коричневом. Как бы ни доказывали обратное.

Он хмыкнул.

– Да что побежденные могут доказывать? Понятно же...

Я направился к ним, на ходу придумывая, как поступить правильно, а не так, как принято или даже положено.

Они подняли головы, но остались сидеть, хотя вообще-то принято, что младшие по званию или титулу приветствуют старшего одинаково почтительно, неважно, свой он или противник.

– Так-так, – сказал я неприятным голосом, – в вашей армии правила чести отменены?

По их лицам было видно, что поняли, о чем речь, некоторые даже пытались привстать, но одни сами садились, других одергивали, напоминая, что я не просто противник, а исчадие

ада, антихрист, попиратель церковных святынь и осквернитель Святого Слова Божьего, так что к нему правила воинской учтивости неприменимы.

– Что ж, – сказал я, не дождавшись ответа, – по крайней мере видно, на чьей стороне Господь.

Двое ближайших ко мне переглянулись, один произнес с достоинством:

– Господь нас только испытывает.

– Он испытывает только праведников, – добавил второй, – а не грешников.

Из-за их спины на меня взглянул с ненавистью третий рыцарь, широкомордый, вроде бы чистопородный рубака, но со взглядом фанатика.

– Грешникам, – сказал он резко, – дает время раскаяться!

– Ага, – ответил я, – хорошо, я дам вам время раскаяться... Сэр Меревальд, не считите за труд, кликните кузнеца. Лучше троих-четверых. И пусть принесут цепи. В их же обозе десяток телег с цепями!

Он ухмыльнулся.

– Их везли для вас, ваше высочество! Ну и для нас тоже.

Я бросил короткий взгляд в его удаляющуюся спину. Когда прибыли Лихтенштейны с Сулливаном, а потом Геллермин, все четыре верховных лорда как-то поблекли, а когда явился с огромной и прекрасно вооруженной армией герцог Клемент, явно ощутили себя отодвинутыми на окраину, с которыми не очень-то и считаются.

Меревальд первым понял, что теперь их мнения и желания для меня ничто и что выгоднее всего поставить себя и свою дружину в мое полное подчинение.

Пока искали кузнецов и вытаскивали цепи, я рассматривал пленных, все таких же надменных и высокомерных, словно они только-только едут на победную войну, за каждым хвост благородных предков, что все видят и не позволят уронить честь рода.

– Итак, – сказал я неприятным голосом, – Господь нам всем даровал свободу выбора. Потому я, слушая его волю, даю ее вам.

Глава 7

Они все смотрят одинаково надменно и в то же время настороженно. Обо мне уже постепенно расходит молва как о человеке, чьи слова и поступки предугадать трудно.

Один из тех, кто сидит впереди, поинтересовался подчеркнуто небрежным голосом:

– Свободу... выбора? В чем?

Я ответил сухо и с неприязнью:

– Всякий, кто откажется от апостольской веры и примет истинную, получит свободу. Остальных же отправят на каторжные работы!

Пленные лорды заволновались, самый родовитый из них, граф Кендишир, произнес с благородным негодованием:

– Что никто из нас не отречется от единственно истинной веры, вы и сами знали. Но что за глупость насчет каторги? Мы – знатные лорды!

Я произнес зловеще:

– А тот ваш Бог, которому вы кланяетесь, различает лордов и чернь?

Он запнулся, но ответил так же гордо:

– Зато различает церковь.

– Ваша церковь будет уничтожена, – пообещал я. – А теперь... всем встать!.. Встать, я кому сказал! Строиться в колонну по двое!.. Стража!

С обеих сторон сдвинулись ратники с пиками, выставив перед собой длинные древки с острыми стальными жалами. Лорды пробовали оставаться на местах, но острия кололи все-ррез, лорды вскрикивали, ругались, однако их одежда обагрилась кровью из новых царапин, и все с руганью и проклятиями, но выстроились по двое.

Я посмотрел по сторонам, поймал взглядом Алана, он сразу же понял и примчался бегом.

– Ваше высочество?

– Алан, – сказал я, – ты уже сотник?

Он выпалил с благодарностью:

– Да, ваше высочество! Вы сами велели сэру Дарабосу повесить меня с десятника.

– Сотник, – сказал я, – это неплохо. Но теперь есть мудрая мысль перевести тебя в благородное сословие и назначить командиром конвоя. Отбери нужное число для сопровождения и охраны этих... высокородных.

Он рухнул на колени, а лицо осветилось так, словно перед ним возник ангел небесный.

– Ваше высочество!

– Не подведи, – сказал я важно.

Он спросил торопливо:

– Куда вести?

– Правильный вопрос, – похвалил я. – Гони в самую глубь наших земель!

– В Турнедо?

Я покачал головой.

– Не знаю, куда отступим под натиском Мунтвига, но нужно, чтобы он не освободил пленников, это удар по нашей репутации.

– Будет сделано, ваше высочество!

– Отступай с ними, – сказал я, – хоть до самого Сен-Мари!.. Но они должны остаться в плену, пока мы сами не соизволим как-то решить их судьбу.

Дальше я наблюдал издали, как пленных сковали единой цепью: лордов, простых рыцарей, и очень простых, и совсем простых, что уже и не рыцари, а элитные оруженосцы, и наиболее стойких ратников, что постыдились позорить себя бегством.

Скованных, их погнали в сторону дороги, ведущей на юг. Алан на своем сером аргамеке, рядом покачиваются в седлах неразлучные Стоун и Мел, с которым снова не разлей вода, а с боков и в конце едут конные стражи.

Буквально через десяток шагов вся цепочка пленных затормозилась, это один из лордов вдруг остановился и даже уперся, не желая идти.

Я взмахом руки послал к нему одного из лучников, тот ринулся так, что песок взлетел выше головы, что-то спросил, выслушал и с такой же скоростью вернулся.

– Ну? – спросил я.

– Он не желает, – выпалил он.

– Чего? В плен?

– Нет, он признал себя пленным, – пояснил лучник. – Однако не желает идти вместе с простолюдинами. Он граф!.. Это унижение для его достоинства. У него семьдесят деревень и два крупных замка...

– Уже нет, – прервал я. – Эй, вон ты... Тебя как зовут?

Могучий ратник с большим топором за плечами прогудел настороженно:

– Герберт, ваше высочество.

– Как твой топор, Герберт? – спросил я.

– Можно бриться, – сообщил он с гордостью.

– Молодец, – сказал я. – Струмент нужно держать в хорошем состоянии. Но я почему-то уверен, с одного взмаха не снесешь голову вон тому гордому графу, видишь? Шея у него толстая, как у Томаса Мора...

Он сказал с обидой:

– Обижаете, ваше высочество...

– Тогда действуй, – велел я.

Он вразвалку пошел к группе пленников, за ним отправилось еще несколько человек. Копейщики выставили свои стальные жала на древках и мрачно наблюдали за происходящим.

Граф смотрел с презрением, надменный, гордо выпрямившись и поглядывая из-под припущенных век.

Герберт зашел сзади, топор несет вроде бы небрежно, однако на следующем шаге страшное орудие убийства взвилось в воздух, острейшее лезвие прорезало воздух наискось.

Граф уловил что-то недоброе, начал было поворачивать голову, но холодная сталь уже срезала ее настолько чисто, что не задела ни плечи, ни подбородок.

Герберт подхватил покотившуюся голову за длинные волосы, стараясь не запачкаться брызжущей кровью, и победно вскинул на вытянутой руке.

– Прекрасно, – сказал я громко и пошел к пленным, уставившись в них нещадным взором. – Этот мерзавец оскорбил своих братьев не только по вере, но и братьев по оружию!.. Они жертвовали своими жизнями, закрывая его от наших мечей и копий, а он отказывается идти с ними и есть из одного котла?..

Пленные смотрели устранным и с недоверием, не понимая и не в состоянии осознать такую жестокость.

Я сказал еще жестче:

– Герберт, воткни шест у обочины, а на него насади голову этого спесивого дурака!.. И пусть всякий видит, что только мы выполняем заповеди Господа о равноправии... ну, постепенно, постепенно.

Ратник сделал все, как я велел, и пленных снова погнали по дороге, что, как догадываюсь, растянется на сотни миль. Благородные лорды, а их немало среди пленных, оскорбленно поглядывали на голову их соратника, скрипели зубами от бессилия, но шли молча и покорно. Да, Господь у нас у всех один, и на знатных и незнатных он смотрит одинаково... с любовью.

Алан проводил чуть колонну, затем развернул коня и примчался ко мне, догадываясь, что могут быть некие напутствия на дорогу.

– Ваше высочество...

– Будь строг, – велел я. – Никакой бессмысленной жестокости, однако неповиновение карай жестоко! Мы не звали их на наши земли, но раз они пришли, пусть не сетуют на плохой прием.

Он спросил осторожно:

– А что с ними дальше?

– Передашь местным властям, – сказал я. – В Турнедо, а еще лучше – в Сен-Мари, там есть хар-р-рошие каменоломни! И будут эти орлы там работать и даже трудиться, пока не окупят весь ущерб, который нанесли мирным жителям своим вторжением в королевства. А также ущерб, который нанесем мы в праведном гневе, когда по заповедям Святого Писания для восстановления справедливости и превентивного предотвращения новых агрессий... воздадим сторицей...

Он слушал, кивал, вид вконец обалделый, проговорил наконец с сомнением:

– Если в Турнедо... то кому передать?

– В распоряжение Бальзака в столице, – сказал я. – Но если будет опасность, что Мунтвиг придвинется слишком близко, гони их через Тоннель под Большим Хребтом в Сен-Мари. Там в Геннегау, обратись к Жерару Макдугалу, это мой секретарь... Да, там король сейчас Кейдан, но моя власть остается... моей властью.

Он спросил осторожно:

– Двоевластие?

– Понимаешь, – сказал я горько. – Да, пока так. Но не думаю, что Кейдан решится освободить пленных. Во-первых, это враги не только мои, но и королевства Сен-Мари, а Кейдан не рискнет вредить королевству только для того, чтобы нагадить мне. Так что все будет путем!

Он сказал с чувством:

– Спасибо за доверие, ваше высочество!

Конники Норберта примчались с вестью, что войско графа Максимилиана уже в двух милях, вот-вот обогнет вон тот лес.

Клемент встрепнулся, вскочил.

– Ваше высочество, уж простите, но я очень уж люблю этого мальчонку! Не могу не встретить.

Я сказал добродушно:

– В час добрый. Я сам его встречу на площади.

Лорды Варт Генца переглянулись, Хродульф поинтересовался с настороженностью:

– Что это за мальчонка, которого все так ждали... и даже этот гигантский герцог побежал встречать простого графа, сам как мальчонка?

– Макса все любят, – ответил я. – Чистая душа, бескорыстен, добр, влюблен в военное дело...

Норберт пояснил с улыбкой:

– Хотя он сам хороший боец, но его страсть не схватки, а стремление улучшать и снова улучшать пехоту. Пока еще ни одна конная атака не смогла сломать оборону, если ею командует Макс... простите, ваше высочество, граф Максимилиан!

Верховные лорды переглянулись, Хенгест буркнул:

– Ни одна конная атака? А если бы я повел свою дружину?

– Лучше не пробуйте, – мягко сказал я, – сперва посмотрите, что будет с конницей Мунтвиг, когда та попробует наскочить на вроде бы беззащитную пехоту нашего любимца.

Через два часа, как и было обещано, из-за леса выметнулись конники Норберта, а с ними с десятков конных разведчиков Макса, но не помчались к нам, а замерли в красивых позах, чувствуя, что сейчас именно на них смотрят.

А затем начали выходить копейщики, ряд за рядом. Я бросил короткий взгляд на Хенгеста и ощутил, что гигант тоже впечатлен. Идут хоть и не в ногу, но ровными и плотными рядами, готовые в любой момент встретить конную атаку: колонна по двадцать человек в ряд, сто в длину, над головами лес пик с длинными в локоть стальными наконечниками, что пробьют и стальную рыцарскую кирасу, когда ее хозяин ударится о нее всем весом.

Они выходят и выходят, шагающие ровно и уверенно, лица и доспехи покрыты пылью, такие же у идущих следом лучников и арбалетчиков, затем снова колонна копейщиков...

Наконец выметнулись Макс на быстром легконогом коне и Клемент на своем гигантском брабанте, Макс носился взад-вперед, проверяя и перепроверяя.

Уже не останавливаясь, он поскакал к нам, а Клемент остался с головной колонной, ничуть не чувствуя себя опозоренным, что вот герцог, а ведет пешие части простолюдинов.

Макс на ходу соскочил, сам в простых кожаных латах, как и его люди, подбежал ко мне, заметно выламывающийся из этого мира непосредственностью и чистотой помыслов и движений, все такой же легкий, с узким удлинненным лицом и внимательными синющими глазами, с тонко очерченным длинным носом и по-девичьи пухлыми губами.

Едва он преклонил колено, я поднял его и, обняв за плечи, сказал с удовольствием:

– Я уж думал, растолстел, наверное...

– Ваше высочество! – воскликнул он обиженно.

– Все толстеют, – заверил я. – Ну, почти все. У тебя, как вижу, без приключений?

Он ответил с недоумением:

– А что могло приключиться, если все продумано и просчитано вами, ваше высочество?

– Верно, – согласился я, – приключения случаются только у растяп, а ты разве она самая?

Мы должны побеждать без всякого героизма, потому что героизм – это род смерти, а не образ жизни.

Он вскинул на меня ясные, честные глаза взрослого ребенка, на лице проступило замешательство.

– Ваше высочество, мы готовы к любому проявлению героизма...

– Героизм, – сказал я, – это беззаветное проявление безысходки. Ты военный гений, Макс!.. А сам понимаешь, что после проявления героизма обычно остается меньше половины армии. А то и меньше трети.

– Ну-у...

Я смотрел в его лицо, молодое и ликующее, как всегда особенно светлое, с огромными синими, к вискам чуточку вздернутыми, словно в радостном удивлении, глазами.

– Как же тебя все любят, Макс, – сказал я и добавил с легким упреком: – Но где потерял свой великолепный доспех, скованный лучшими мастерами Вестготии?

Он сказал виновато:

– Едет следом в обозе. Если надо будет, ну там на парад какой, надену сразу, не беспокойтесь. А этот просто удобнее.

– Тебя не отличить от простого сотника, – сказал я, – а то и десятника.

Он не успел ответить, приблизились верховные лорды, Хродульф сказал важно и покровительственно:

– При такой удивительной скромности тем выше к нему любовь и преданность его людей. Умный и точный расчет.

Макс застеснялся, не смея возразить, что это не расчет, а я повернулся к лордам и сказал празднично:

– Я отметил этого юного рыцаря, и не устану это повторять, еще когда мы простыми рыцарями дрались в общей схватке на Каталаундском турнире. На нашей стороне была беднота, а нашими противниками были богатейшие и знатные рыцари тогда из неизвестного нам Сен-Мари, и, понятно, когда такого удавалось выбить из седла, его торопились захватить в плен, чтобы получить богатый выкуп. Максимилиан и еще один рыцарь все время берегли мою спину, так как я был вожаком нашей группы, и так и не захватили ни одного пленника. Он показал тогда, что для него команда – превыше всего!

Меревальд произнес с вопросительной ноткой:

– И вы его преданность оценили?

– Прежде всего его преданность любимому делу, – уточнил я. – И понимание ситуации. Он всегда служит команде, а о себе вообще не думает. Сами понимаете, какая это редкость.

Макс застеснялся, вывернулся из-под моей руки, нежные щеки, присыпанные пылью, чуточку заалели.

– А теперь, – велел я, – пусть армия располагается лагерем с западной стороны города, там удобное поле, а вечером всех вас жду на пир в ратуше, а затем – военный совет.

– Может быть, – сказал Меревальд, – сперва военный совет? На трезвые головы?

– Мы останемся здесь на недельку, – сообщил я, – не меньше. Нужно дождаться армий из Ламбертинии и Мезины. Это... настоящие армии, которыми горжусь. Мунтвиг получит достойный ответ за свое неспровоцированное нападение на мирные королевства, которые мы просто обязаны защитить по Божьему праву. За это время мы проведем не один военный совет, утрясая и уточняя.

Меревальд поклонился.

– Простите, ваше высочество. Я счастлив, что еще подойдут армии.

– Армии, – произнес я с расстановкой, – герцогов Шварцкопфа и Меганвэйла... это еще не все.

– Ваше высочество?

– Из Сен-Мари, – сказал я, – уже идут быстрым маршем, я уверен, закаленные в боях армии стальграфа Филиппа Мансфельда и рейнграфа Чарльза Мандершайда!.. И тогда Мунтвиг окончательно поймет, что не стоило ему идти по дороге Карла.

Лорды слушали и серьезнели, а я перехватил взгляд Норберта. Старый воин показал взглядом, что да, я в самом деле успел провести и даже почти закончить реорганизацию армий. Еще бы промедлил – все бы рухнуло под новым нашествием. Или война завязалась бы долгая, с отступлением к Большому Хребту, а потом – тьфу-тьфу! – и за него...

Глава 8

Праздничный пир был в разгаре, когда примчались разведчики с сообщением, что с юга приближается армия в составе рыцарской конницы и большого количества пеших частей с небольшим обозом.

Я потер ладони с таким энтузиазмом, что мог бы так зажигать костер в примитивных племенах.

– Прекрасно!.. Чьи знамена? Скарляндии или Варт Генца?

Верховные лорды восторжеслись и стали выше ростом, но разведчик проговорил с некоторым недоумением:

– Знамена... королевства Вендовер.

Наступило молчание, Норберт подхватился первым.

– Ваше высочество!

– Позволяю, – сказал я отрывисто.

Он выскочил из зала. Рыцари переглядываются, не забывая прикладываться к кубкам, вино хоть и похуже сен-маринского и даже армландского, но после знойного дня прекрасно освежает пересохшие глотки, а мясо в любом королевстве жарят одинаково хорошо, особенно если не привередничать.

Я выждал некоторое время, поднялся, стараясь, чтобы это не выглядело признаком волнения.

– Продолжайте, продолжайте, – сказал я громко и беспечно улыбнулся, – мне по долгу службы надо взглянуть, кто там прибыл.

Несколько лордов тут же поднялись: если сам Ричард идет встречать гостей, то они обязаны составить ему свиту, свита всегда придает внушительность.

Во дворе ратуши пока никого из новых, я вышел к воротам и уже там увидел, как из узкой улочки на площадь перед ратушей выметнулся с грохотом копыт отряд пышно и очень богато одетых всадников.

В глазах зарыбило от обилия ярких цветов, а золотые украшения и драгоценные камни сразу пустили в глаза слепящие зайчики.

Впереди трое всадников, двое рослых командного типа, а третий невысокий на прекрасном коне, укрытом дорогой попоной кардинальского цвета. У меня сразу сердце дрогнуло в радостном узнавании: в блестящих доспехах из Вестготии, пышный султан на гребне шлема, такой же султан, только поменьше, на конском стальном налобнике, с плеч красиво ниспадает белый плащ, на груди поверх белой накидки нашит огромный красный крест, а в первый раз, когда я его увидел, там был огромный герб со вздыбленным львом золотистого цвета.

Он первым соскочил с коня и церемонно преклонил колено, хотя для него и других близких мне рыцарей это правило моим высочеством, даже тогда еще моей замечательной светлостью, отменено.

Я поднял его и обнял, скрывая сильнейшее недоумение, его высказывать нельзя, окружающие должны видеть, что у меня под контролем абсолютно все.

– Альбрехт! – произнес я прочувственно, больше играя на публику. – Я и не думал, что так буду скучать по тебе.

Он ответил все так же церемонно и торжественно:

– Ваше высочество, я счастлив представить вам принца Сандорина Винтонмаерского, единственного сына и наследника Его Величества короля Буркхарта Третьего!

Один из всадников легко покинул седло, приблизился и чуть-чуть склонил голову в вежливом приветствии. Молодой, поджарый, с короткими русыми усиками и такой же коротко подрезанной бородкой, глаза живые, смотрит с любопытством и без тревоги.

Я произнес с еще большим недоумением, но внешне тепло и по-королевски величаво:

– Приветствую вас, принц. Похоже, вы примете участие в великом событии, что перевернет жизнь нынешних королевств и навсегда изменит жизнь к лучшему? Отец и все королевство будут вами гордиться!

Он снова едва-едва наклонил голову.

– Благодарю вас, ваше высочество.

Альбрехт сказал громко:

– И первый из приближенных Его Величества короля Буркхарта Третьего... граф Лиутерд Колридж!

Граф спрыгнул с коня, подошел ближе и вежливо снял шляпу, но преклонять колено, естественно, не стал, у него свой король и свой принц.

– Приветствую вас, граф, – сказал я приветливо. – Вы показали себя прекрасным переговорщиком, отстаивая интересы королевства. С той поры я питаю к вам самое глубокое уважение.

Он поклонился и ответил ровным голосом, но я уловил, что он глубоко польщен:

– Спасибо, ваше высочество, за высокую оценку.

Я перевел взгляд на Альбрехта, тот понял, сделал шаг вперед и сказал громко и с подъемом:

– Узнав, что черное знамя властелина Тьмы, выпавшее из рук императора Карла, подхвачено другим злодеем, двинувшим на завоевание наших мирных королевств свои дикие орды... Его Величество король Буркхарт Третий тут же в мудром и точно рассчитанном благородном порыве велел отправить все войска, какие есть в королевстве, в распоряжение его светлости Ричарда Завоевателя!

Я помолчал, стараясь понять, сколько Буркхарт выиграл у меня таким великолепным политическим ходом, затем сказал прочувственно:

– Я безмерно тронут таким благородством и желанием вложить свою лепту в победу над Злом и Тьмой!.. Уверен, этот мудрый ход будет по достоинству оценен летописцами, а королевству Вендовер принесет счастье и процветание!.. А теперь, дорогие друзья, присоединяйтесь к нашему пиру в честь победы! Там и обсудим детали.

Альбрехт спросил быстро:

– Уже? Какая победа?

– Разгромлена первая ударная армия Мунтвига, – сообщил я. – Почти никто не спасся, захвачен огромный обоз и несметное количество трофеев. Ну, заодно отпразднуем ваше прибытие, как залог новых побед во имя!

Норберт, как лучше всех знающий окрестности, помчался со своими людьми показывать, где удобнее всего разместиться лагерем армии Вендовера, а я, царственно улыбаясь, повел неожиданных союзников в город, где передал местным, чтобы устроили их в соответствии с рангом, помогли выбить пыль и помыться перед пиром.

Альбрехту не нужно объяснять, что требуется от него, он пошел следом и, едва я раздраженно закрыл за ним дверь своего импровизированного кабинета, сказал быстро:

– А что мне оставалось делать?.. Просто сидеть и ждать, пока здесь у вас закончится война?

– Вы действовали без моих полномочий, – напомнил я строго.

– Разве плохо?

– Хорошо, – признал я. – Даже великолепно... в первом приближении. Да вы садитесь, я тоже набегался, так бы и лег вовсе.

– А что во втором? – спросил он.

– Пока не знаю, – ответил я. – С одной стороны, мы получили целую армию. С другой – гм, армия среднефеодальная...

– Что-что?

– Это я умничаю, – пояснил я. – В этом случае вам всем нужно в восхищении моей непостижимой мудростью раззявить рот. Среднефеодальная – это армия старого типа, значит, в которой лорды воюют как хотят. Однако нам еще и нужно следить, чтобы этот принц не погиб ненароком... а то скажут, что нарочно убили. Он как вообще?

– Не особо и задирист, – сообщил Альбрехт, – хоть в бой поскачет первым, так принято, иначе честь уронит. Характер... надо сказать, типичный для королевского сына.

– Ага, подпорчен?

Он посмотрел на меня невинными глазами.

– А много исключений?

– Есть, – сообщил я. – Как-то читал в детстве. В сказках. А что с нашей группировкой, что противостояла войскам Вендовера? И вообще, как вам удалось уболтать короля на такой дикий шаг?

– Сами видите, – ответил он, – не такой уж и дикий.

– Ну да, – признал я, – королю только выгода. Думаю, вы расписали, насколько я благороден, и что Палант с Растером, а у того еще и тролли, не захватят тут же Вендовер?

– Расписал, – признался он, – а как иначе заставить решиться? Да, он избавляется от нашей угрозы, зато мы получили не только их армию, вообще-то неплохую, но и наш, как вы странно выражаетесь, ограниченный контингент демократизирующих сил, что там стоял наготове на их землях.

– Палант тоже идет сюда?

– Вслед за этим войском, – доложил он. – Хочет быть уверенным, что это не какой-то хитрый маневр Буркхарта.

– Палант? – изумился я. – Всегда такой доверчивый!

– Люди взрослеют, – напомнил он сурово. – А в том аду, куда вы швыряете этих детей, взрослеют очень быстро. Растер с его полчищем троллей идет вообще в арьергарде, чем весьма недоволен.

– Еще бы, – согласился я. – Такая проламывающая всех и вся мощь... Но Буркхарт молодец, я не ожидал от него такого хитрого маневра.

Он чуть улыбнулся, напоминая, что, хотя решение принимал король, но автор вообще-то он, Альбрехт.

– Отдать армию, – продолжил я, – под мое командование на время войны, это заранее не только защитить свое королевство от возможных угроз от моей растущей мощи, но и...

– ...претендовать на защиту, – закончил он. – Не сможете же напасть на него после такого его жеста!

– Весь мир меня осудит, – согласился я. – А репутация – это все.

Он сказал с некоторым напряжением в голосе:

– И еще, ваше высочество...

Я насупился.

– Сейчас скажете какую-то гадость.

– Скажу, – пообещал он. – Те земли, которые мы отторгли у Вендовера, чтобы защитить Ламбертинию, пришлось вернуть Буркхарту...

Я поморщился, махнул рукой.

– Да ладно, мы и не забирали... так уж сразу. Это могло бы случиться потом, но сперва пришлось бы найти повод. А лучше – весомый.

– Для вашего высочества, – сообщил он вежливо, – это раз плюнуть.

– Ладно, – сказал я, – будем считать, что выиграли оба. Только бы принца теперь убереечь...

– Я приставлю к нему телохранителей, – сказал он.

- Да уж... Но какой хитрец этот Буркхарт!
- Не такой уж, – сказал он.
- Я переспросил:
- Почему?
- Герцога Блекмура укрыл, – напомнил он. – Правда, не мог не укрыть родственника...
- Да, – согласился я, – это был прокол, но неизбежный. Но сейчас, хитрюга, еще и заложника прислал на случай, если я какой-то недоверчивый деспот!
- Он в удивлении вскинул брови.
- А вы доверчивый?
- Ну ты и гад, – сказал я с сердцем.

Глава 9

После пира на военном совете разбирали варианты военных кампаний, учитывая, что две армии Мунтвига подойдут сюда не раньше чем через две недели. Норберт докладывал, что пока удастся вылавливать только разрозненные отряды, что, пользуясь случаем, ринулись в поисках легкой добычи пограбить, но пока признаков приближения крупных армий нет, хотя у его высочества есть сведения...

– Есть, – отвечал я скромно. – У меня есть особо законспирированные агенты под прикрытием.

Хреймдар в военных советах участия не принимал, не положено, он проходит по должности лекаря, это чтобы избегать конфронтации с епископом Геллерием, но в курсе происходящего, как и Геллерий, что иногда бывает на советах, но больше для того, чтобы подтвердить свой статус.

Улучив момент, я рассказал наедине Альбрехту, что случилось у меня с Мунтвигом лично, он дивился такой дурости и качал головой, на лице все четче проявлялось сожаление, что связался с таким придурком, но я закончил на победной ноте, дескать, выскользнул, как жирный карась из кривых пальцев, и хотя ничего не унес, кроме своей шкуры, но разве это не высшая ценность для демократа?

– Мунтвиг не знает, – закончил я, – что со мной. Возможно, этот проклятый Ричард Завоеватель убит. Так или нет, он предпочтет выждать до конца. Пока та тварь не должна была сожрать того наемника, да и потом...

– А ему не все равно? – спросил он. – На его планах это не отразится. Натиск на проклятый Юг в любом случае!

– Ну да, – сказал я уязвленно. – Если Ричард убит, то у нас должна начаться неразбериха, даже паника.

Он спросил саркастически:

– С чего бы?

– На мне завязано слишком много, – признал я, – это издержки стремительного развития в условиях демократического тоталитаризма и автократии культа личности, потому Мунтвиг мог бы воспользоваться этим для полного и стремительного разгрома деморализованной армии.

Он покачал головой.

– Вряд ли он до этого времени сдвинется с места. У вас некоторая переоценка собственной значимости, ваше высочество.

– Предположительно, – ответил я.

– Он все равно должен продолжать широкомасштабное наступление, – сказал он. – Потому и вам придется все войска не держать в кулаке.

– Думаете?

– Если Мунтвиг собирается завоевать... пусть не весь мир, а только Юг, то все равно нужно захватывать и соседние королевства. Потому целесообразно заранее рассредоточить силы... ну, скажем, разместить армии на главных направлениях. Не собираетесь же вы держать войска Шварцкопфа и Меганвэйла рядом?

Я зябко передернул плечами.

– Ни в коем случае!.. Нужно заранее указать им места дислокации на противоположных концах нашего фронта. Подайте вон тот рулон... Это карта. Кстати, самая последняя. С расположением всех войск Мунтвига с точностью до пятидесяти миль. С указанием всех дорог, оврагов, ущелий, проходимых и непроходимых лесов и болот.

Он всмотрелся, приподнял брови.

– Здесь совсем свежие пометки. Но не мог же Норберт вчера узнать, где именно армии Мунтвига сегодня, которые, судя по карте, за четыреста миль?

Я поджал губы и сказал чопорно:

– А моя интуиция?

– Знаете, сэр Ричард, – сказал он сердито, – в жопу вашу интуицию! На интуицию можно полагаться, когда имеешь дело, скажем, с женщинами. Если и промахнешься, то не жалко. Но на войне лучше как бы не промахиваться.

– Моя интуиция обычно бывает подкреплена, – сказал я тем же тоном. – У меня в друзьях всякие... агенты. Они и могут кое-что вызнать...

Он буркнул:

– Логирд?

– А-а, – сказал я, – какой вы быстрый!

– Согласен, – ответил он скромно. – Значит, это он подсказывает?

– Знаете его?

– Еще бы, – ответил он. – На моих глазах погиб. Верховный инквизитор велел похоронить его останки как христианина и отслужить по нему панихиду... не так ли? Но некроманты... даже бывшие... способны на всякие трюки...

– У вас хорошая память, – похвалил я. – Ужинать приходили туда, где и обедали? В общем, карта достоверная.

– Насколько?

– Достовернее не бывает, – заверил я. – Вот здесь мы, здесь Клемент, верховные лорды с их дружинами...

– Что намереваетесь делать с ними?

– Отправлю партизанить, – сообщил я. – Пусть грабят обозы в тылах Мунтвига. Для крупномасштабных сражений феодальные армии не весьма хороши. Вот здесь противника будут ждать Макс и Клемент. Меганвэйла сразу направлю вот сюда... здесь дорога идет по ущелью, он остановит любую армию, если догадается использовать рельеф и установит укрепления... а он установит точно.

– Тогда Шварцкопфа вот сюда?

Я проследил за его пальцем.

– Ишь ты, дорогой барон, простите, граф!.. Вы не разучились еще понимать по карте. Да, это удобное место и от Меганвэйла далеко. Между ними Геллермин, Макс, Зигмунд с Сулливаном...

– А еще подойдут турнедские полководцы, – заметил он. – Подойдут?

– Подойдут, – пробормотал я. – Надеюсь.

Он спросил встревоженно:

– Что-то стряслось?

– Да ничего особенно, – сообщил я, – если не считать, что в Сен-Мари королем снова Кейдан.

Среди мародеров в разграбленном лагере мунтвиговцев я заметил Хреймдара, он и сам роется и с другими общается весьма активно, а они, как я понял, многие непонятные находки сперва показывают ему.

Похоже, он больше купил, чем отыскал сам. Я встретил его торопливо возвращающимся в город, согнулся, за спиной огромный мешок, где что-то постукивает, погрокивает и даже позвякивает.

– Вижу, – сказал я саркастически, – с нами в самом деле стоило идти без колебаний!

– Ваше высочество, – сказал он с испугом, – что вы так пугаете!

– Нужно смотреть не только в землю, – сказал я наставительно, – словно монетку ищите, а в сторону горизонта, а то и вовсе на звезды!.. Или вы не мудрец?

– Глядя на звезды, легко споткнуться, – ответил он серьезно. – А я вот, будучи практикующим магом, побывал в разгромленном лагере и кое-что нашел.

– Для сельского хозяйства?

Он не понял, сказал пониженным голосом:

– Если зайдете ко мне, покажу одну из находок.

– Зайду, – согласился я.

В городе он прошел две улочки и остановился перед воротами солидного особняка.

– Я снял комнату здесь.

– От скромности не умрешь, – заметил я. – Мои герцоги в таких конурах ютятся, а ты...

– Они солдаты, – пояснил он, – их не жалко.

Двери нам отворил крупный и толстый слуга, низко поклонился Хреймдару, на меня не обратил внимания, из чего я понял, что их жилец человек состоятельный и щедрый.

Мы прошли по вымощенной булыжником дорожке к дому, там навстречу суетливо выкатился второй слуга, еще толще, угодливо распахнул перед нами двери в дом.

В холле приятный полумрак и прохлада после жаркого солнечного дня. Мы сделали пару шагов, как из кухни, судя по запахам, что вырвались следом, вышла с медным подносом молодая и весьма пухлая девушка, светловолосая и явно веселого нрава, о чем говорят ямочки на щеках и подбородке, глаза голубые, носик задорно вздернут, губы всегда готовы раздвинуться в веселой усмешке.

– Ох, – прошептала она счастливо, – господин Хреймдар, у вас гости?

– Точно, – сказал Хреймдар, отдуваясь. – Иди приготовь поесть.

– Хорошо, – щебетнула она тем же счастливым голосом, затем хитро стрельнула в мою сторону очень живыми глазами. – А вам, дорогой гость, если нечего будет делать и у вас будет для этого время... моя комната на втором этаже слева.

Я проводил ее оттопыренный сочный зад долгим взглядом.

– Смотрю, ты везде неплохо устраиваешься.

– С возрастом человек начинает ценить уют, – пояснил он. – Я все такой же бедный человек, как и в молодости, но теперь уже с деньгами.

Его комната выглядит скромно, но, думаю, только потому, что он сам не пожелал лишней мебели или портретов на стене. Пока я осматривался, он высыпал из мешка прямо на пол все содержимое и торопливо в нем рылся.

Я покосился на единственное зеркало, укрепленное в овальной раме на стене, прошелся мимо, кося в него глазом, осторожно пощупал пальцем твердую холодную поверхность. Вроде бы просто зеркало, что и слава богу, а то либо порталы хрен знает куда, то отражает вроде бы тебя, но не совсем, иногда старше, иногда моложе, в одном я видел себя с жутким шрамом через всю харю, а у одной леди зеркало служило для примерки нарядов, то есть подходит голой, а на ней то один наряд, то другой, то третий, не нужно долго надевать и зашнуровывать все корсеты, а потом расшнуровывать...

У Хреймдара в руках нечто завернутое в мешковину, он торопливо освободил и положил на стол. Это оказалась толстая книга в медном переплете с изумительно четко выполненными барельефами в виде драконов и грифонов.

Я ждал, что откроет, но Хреймдар отпрыгнул, выставил предостерегающе ладонь.

– Погодите...

– Защита?

– Да, – ответил он, – и серьезная.

Я ждал, он некоторое время бормотал себе под нос заклятия, наконец вскрикнул довольно:

– Вот оно!..

Книга осталась на месте, но медная обложка раскалилась докрасна, донесся запах горелого. Я забеспокоился за сохранность бумаги, а медь уже стала оранжевой, вот-вот потечет, затем вовсе белой, осветив половину комнаты, в то время как под книгой сгущается тьма, стол укрыла ночь, ножек вообще не видно, словно они в темном болоте, а еще из этой зловещей тьмы послышались шлепающие по грязи звуки, что начали приближаться ко мне.

– Быстрее, – сказал я нервно, – что за хрень?

– Спокойствие, ваше высочество, – проговорил он, – только спокойствие...

– Быстрее, – поторопил я, – сейчас грызнет, буду петь тонким голосом!

– А вы не хотите?

– Не-е-ет!

– Сейчас... сейчас... еще одно заклятие... эх, что-то вылетело из головы...

Я выхватил меч и начал тыкать впереди себя, защищая колени. Дважды попал в нечто мягкое, но в третий раз чудовищная сила вырвала лезвие из моих рук.

Хреймдар выкрикнул заклятие, и разом все исчезло, как свет, так и тьма. Книга мирно лежала все так же на столе, обложка как обложка, Хреймдар неспешно и уже по-хозяйски открыл, а я подобрал с пола меч, а когда увидел, что с ним, охнул и сцепил зубы, останавливая дрожь.

Кончик оплавлен, стальное лезвие прокушено насквозь, словно это мягкий сыр, через три дырочки можно смотреть на мир.

– С опасными вещами имеешь дело, – сказал я, стараясь не дать голосу вздрагивать.

– Зато какими интересными, – ответил он жизнерадостно, не отрывая взгляда от страниц. – Подумать только, это же знаменитые летописи Кеприуса, а их считали потерянными...

– Там есть что-нибудь полезное для сельского хозяйства? – спросил я.

Он ответил с укором:

– Ваше высочество, какое сельское хозяйство? Здесь высшие абстрактные истины... И не прикидывайтесь, что вам неинтересно! Я с вами откровенен и даже тянусь к вам потому, что чувствую в вас огромную колдовскую мощь, даже чародейскую. Как бы вы ни строили из себя политика, но вы – маг по своей сути!

Я вздохнул, хотел возразить, но и сам чувствую в себе эту мощь. Террора победил не потому, что сильнее. Всего лишь изощреннее. Но теперь его чудовищная сила во мне, знать бы, как ею воспользоваться.

– Знаешь, – сказал я наконец, – может, я вообще великий балерун по рождению, но что толку, если страна голодает или в постоянной войне с такими же дураками? Не до танцев, нужно сперва накормить, развести драчунов по углам... а потом и танцевать маленьких лебедев!

– А сможете тогда?

Я вздохнул.

– Вряд ли. Но девиз рыцаря – защищать тех, кто сам себя защитить не может. А защита – это не только спасать девственниц от драконов.

Он повернул голову в мою сторону, во взгляде проступило уважение.

– Вы правда это понимаете?

– А что, – спросил я сердито, – есть еще на свете, кто это понимает? Тогда почему не вижу Царства Небесного?

Глава 10

В прошлый раз я нарочито огорошил Альбрехта, пусть, гад, знает, что мы всегда в боре-
нье, покой нам только снится, не мир, но меч, а то и топор. Но с того момента я постоянно
чувствовал на себе его вопрошающий взгляд.

Сегодня я решил прекратить мучить ожиданием не столько его, как себя, кивком пригласил его в свой шатер и подробно рассказал, как фактически был сброшен, низвергнут с самой высокой точки в Сен-Мари.

Он посмотрел внимательно, просветлел лицом.

– Фух, наконец-то...

– Что? – спросил я свирепо. – Чего?

– Наконец-то, – сказал он счастливо, – вам кто-то дал по голове дубиной. Или подрезал крылья, все равно. Это же просто везение!

Я стиснул челюсти.

– Дорогой друг... если вы еще друг, а не работаете на Мунтвига, объясните свое глыбокомыслие, пока я вас не удушил собственными руками, не передоверив такое счастье палачу!

Он сказал бодро:

– Помните перстень Поликрата?.. Как-то Поликрат похвастался, что ему везде и во всем везет. Его друг напомнил, что у него есть один могущественный враг, царь далекой страны, которого надо бояться. Но едва он успел договорить, как прибежал гонец и сообщил, что тот царь разбит войсками Поликрата, вот его отрубленная голова... Тогда друг сказал, что флот еще не вернулся с той войны, а сейчас такие штормы, наверняка все корабли потонули... Но только сказал, как трубы возвестили, что корабли невредимыми вошли в гавань. Друг напомнил, что вообще-то на море хозяйничают пираты, но вбежал гонец и сообщил, что страшная буря затопила корабли пиратов все до одного. Друг в ужасе за Поликрата напомнил, что счастье всегда когда-то кончается, лучше вовремя перестраховаться и потерять самому что-то ценное, и тогда Поликрат, подумав, снял с пальца самый ценный перстень и бросил его в море. Но пока они беседовали дальше, прибежал повар и подал перстень, найденный в пойманной рыбе... И тогда друг в ужасе бежал от Поликрата подальше, чтобы и его не зацепило грядущей бедой.

– Хреновый у Поликрата друг, – сказал я.

– Это намек? – спросил он.

– Как знаете, – ответил я сварливо. – Но я потерял Сен-Мари, но рыба не принесла мне его взад, держа ни в пасти, ни под плавником, ни даже в заднице!

– Можно рассматривать, – сказал он, – что рыба принесла вам Бриттию, а потом принесет Ирам...

Я сказал в негодовании:

– Типун вам во все места! Никаких новых приобретений! Я гуманист и стою на либеральных ценностях!

Он осторожно полюбопытствовал:

– А что это?

– Откуда я знаю, – огрызнулся я. – Был как-то разок в затурканном королевстве с вусмерть запуганным народом, где если не будешь клясться в приверженности либеральным ценностям, то будут смотреть как на весьма опасного человека, с которым лучше не общаться... В общем, хочешь сказать, что малая доза неприятностей сработает как противоядие на будущее? А у меня выработаются антитела? Ну, это такие крохотные демоны, совсем крохотные... Ладно, пока душить не буду. И бить... погожу. Это я к тому, что мы все равно пойдем дальше. А встретим неудачу, сами ей свернем рога и выю. Выя – это тоже вроде бы шешя, но потолще и погрязнее.

Он отмахнулся.

– Оставьте выю себе. А вообще-то, ваше высочество...

Я посмотрел по сторонам, потом с подозрением на него.

– Опять шуточки? Здесь никого нет!

– Простите, Ричард, – сказал он и щедро улыбнулся. – Вообще-то, как я уже говорил, я пошел за вами, чтобы посмотреть, как быстро сломите шею. Потом начал предполагать, что иногда что-то и просчитываете... каким-то странным образом. А когда вот уверился в этом... вдруг понял, что я жестоко ошибся, вы ничегошеньки не просчитываете.

– И снова ждете, когда сломя шею?

Он улыбнулся левой половинкой рта.

– Да, но только очень не хотелось бы... Начала нравиться вся эта безумная затея сделать мир лучше силами одной маленькой группки.

– Не настолько я наивен, – буркнул я.

– Ричард?

– Мы расширяем свою группку, – напомнил я, – орден Маршала вышел из подполья и развивает кипучую деятельность уже в ряде стран!.. Это настолько могучая сила, что ее, скорее, придется потом сдерживать, чтоб не наломали дров в жажде перестроить мир как можно быстрее!

Он повторил, глядя на меня очень внимательно:

– В Армландии не было никаких орденов, потому плохо представляю, что это такое... Вы говорите, могучая сила?

– Могучайшая, – заверил я. – Это... это как... религия! Религия, что охватывает все королевства и сшивает их в единое пространство!.. Только религия как бы мудра и беззуба, а рыцарский орден – это религия в крепких доспехах, с длинными мечами и несокрушимейшей верой в правоту своей миссии! Великой миссии, дорогой друг.

Он проговорил с сомнением:

– Звучит слишком заманчиво.

– Вы не поверите, – сказал я, – но в руках орденов могут оказываться земли намного более крупные, чем королевства, а воинская мощь вообще...

Он посмотрел с недоверием и даже чуточку испуганно.

– Что с нею?

– Воинская мощь орденов, – сказал я, – будет сокрушать армии королевств играючи. Но главное не в этом.

– А в чем?

– В королевстве разные люди, – пояснил я. – А орден – это объединение людей, воспаленных одной идеей. И кто против них, если с ними Бог?

– То есть, – уточнил он, – вы?

Дозорные Норберта примчались с донесением, что в нашу сторону по южной дороге движется большое войско под знаменами сэра Ричарда, однако... тут они сбивались и начинали путано рассказывать, что в арьергарде идут громадные чудовищные тролли, а ведет их тоже, похоже, тролль, только в массивных доспехах с головы до ног, а еще морда почему-то не зеленая.

– Прекрасно! – сказал я, видя, как озабоченные взгляды лордов обратились ко мне. – Как вы видите, весь мир поднялся против чудовищной язвы на теле всего прогрессивного человечества, этого, с позволения сказать, Мунтвига!.. Эту коричневую чуму демократии и гуманизма нужно остановить всеми силами королевств и народов! Даже тролли, как видите, у которых своя жизнь и свои обычаи, ощутили угрозу всему прекрасному и трепетно светлому, потому

отдали своих лучших воинов в распоряжение наших полководцев, дабы спасти мир от этого Черного Властелина, именуемого Мунтвигом!

Меревальд спросил пугливо:

– Тролли будут сражаться? На нашей стороне?

– Будут, – подтвердил я. – Они не успели вступить в бой, когда их привели в Вендовер, перемирие удалось заключить раньше, но здесь они покажут свою звериную доблесть и альмасамцовое мужество в борьбе с препятствиями!

Меревальд отступил и ссутулился, показывая, что он никакого не препятствие, Хродульф тоже счерпашился, только Зигмунд Лихтенштейн с братьями, Сулливан и Хенгест смотрят как ни в чем не бывало, дескать, мы сами еще те тролли, что вообще-то верно, и хорошо, что пополнение прибыло.

Вскоре примчался еще гонец с сообщением, что люди Паланта сейчас покажутся на дороге, деликатное напоминание, что желающие встретить могут выдвинуться навстречу, а кому прибывающие неприятны, напротив, могут отойти в сторону по своим якобы делам.

Я вскочил на Зайчика, многие лорды тут же последовали моему примеру, а на дороге заблестали грозные искры на металле, поднялась пыль, потом из нее вынырнули всадники.

Заметив нас, Палант повел войско усиленным маршем – это когда конница вместо обычных пяти миль в час дает на рысях восемь-десять, а кнехты все пять; сейчас можно, впереди отдых...

Вперед вырвался отряд в десяток всадников, почти все армландцы, знакомые лица, во главе Палант. По взмаху его руки остановили коней, а он, соскочив легко, с юношеской грацией, подбежал к Зайчику и преклонил колено, глядя на меня снизу вверх влюбленными глазами.

Когда он явился ко мне впервые, то с гордостью заявил, что сам он из Лонгфельдов, младший сын сэра Гевекса, зовут Палантом, а с ним аж сорок тяжелых всадников, две сотни кнехтов, сотня лучников и тридцать арбалетчиков! А вот сейчас командует ограниченным контингентом войск, что способен на равных вести войну с королевством средних размеров.

Я слез на землю степенно, суетливость в движениях для сюзерена неуместна, поднял его и обнял как старого друга. Он счастливо пискнул в моих руках.

– Палант, – сказал я тепло, – как ты возмужал...

Он смотрел на меня все так же снизу вверх и ответил почти с сочувствием:

– А вот вы, ваше высочество, ничуть не изменились.

– Говорят, – сказал я, – быстрее всех стареют влюбленные. Ты... как?

Он застеснялся, сказал с неловкостью:

– Ваше высочество!

– Ну что ты, – сказал я успокаивающе, – идешь с сэром Растером, и он тебя до сих пор ничему не обучил?

Он вздрогнул, даже отступил на шаг.

– Да боюсь я этих гарпий!

За моей спиной послышались сдержанные смешки. Думаю, уже и среди вендоверцев сейчас ширится молва об уникальных пристрастиях Растера, а то, что эти разговоры ничего не имеют общего с действительностью, никого не интересует, нам всем нравится видеть жизнь яркой и необычной.

Рыцари подходили по одному, я приветствовал всех, говорил теплые слова и передавал Геллермину, а он уже другим лордам, знакомым и тем, кого им предстоит узнать в нашей справедливой и освободительной борьбе против тирана и душителя демократических и прочих ненужных свобод.

И тут все умолкли и, оставив объятия, повернулись к дороге. Земля подрагивает под тяжелой поступью. Но это не тяжелая бронированная конница с рыцарями в седлах, а идут могучие кряжистые тролли, покрытые пылью так, что они уже не зеленые, а серые.

Только передний ряд военачальников в доспехах, дальше идут в кожаных латах, шкурах мехом наружу, простых одеждах, небрежно сшитых, но большинство вообще полуголые, щеголяя чудовищно развитыми грудными клетками и толстыми, как деревья, узловатыми руками.

Немногие с огромными топорами, копьями, большинство с дубинами и палицами, излюбленным оружием троллей, которыми они разбивают, как орехи, и прочнейшие рыцарские панцири, не говоря уже о шлемах.

На них смотрят с содроганием, стараясь выдавить улыбки, тролли страшны даже вот те, полуголые, ибо их кожа прочная, через самые густые кусты ломаются не поцарапавшись, мясо настолько жесткое и прочное, что кажется, будто рубишь дерево, любое острие тут же увязает, а если учесть, что на троллях все заживает куда быстрее, чем на собаках, то они опасные противники не только из-за своей чудовищной силы.

Впереди на жеребце, которого легко можно принять за носорога – вон и могучий рог торчит из стального налобника, – высится закованная в сталь башня, в ширину чуть ли не такая же, как и в высоту.

Я сам пошел навстречу, зная, что Растер не догадается преклонить колено, и, едва он слез, продавив под собой землю, как молодой лед, я растопырил руки для жаркого объятия.

Оно в самом деле получилось жарким, сталь накалилась под прямыми лучами солнца. Я задержал дыхание, когда он в свою очередь стиснул меня громадными, как у матерого тролля, ручищами.

От него все так же несет нерассуждающей мощью, если не больше, общение с троллями сказывается, а суровое лицо с массивными надбровьями, мощными скулами и тяжелым подбородком с широченной челюстью выглядит лицом облагороженного тролля.

– Дорогой друг, – прогудел он мощным голосом, больше похожим на медвежий рев, – нам везет на тяжелые испытания, что подбрасывает любящая нас судьба!

– Да, – поддакнул я, – Господь Бог посылает испытания только тем, кого любит.

– Истинно!

– Обнимаю, – сказал я, – еще раз и передаю вас в руки ваших старых и новых друзей, а также тех, кто наверняка станет другом...

Я уловил восхищенный взгляд принца Сандорина Винтонмаерского, а рот его высочества вообще приоткрыт в изумлении при взгляде на эту башню из настолько толстого железа, что не прорубить никаким топором.

А я прошел к троллям, что в настороженности остановились невдалеке. Великий вождь Чандлер в первом ряду, как и положено, все великие тролли первыми вступают в бой, как, к примеру, Александр Македонский или Ричард Львиное Сердце. Рядом с вождем верный Чак, Гэка что-то не видно, хотя здесь он вроде бы просто Гак, с другой стороны смотрит настороженно Занг, раньше он был начальником дозора...

– Приветствую, други! – провозгласил я мощно и красиво, это как же хорошо обращаться с простыми и даже очень простыми, не отягощенными никому не нужным в жизни высшим образованием. – Наконец-то мы вместе и все разом!.. И дальше неутомимой поступью и с горячей отвагой взором на благо и во имя!.. Да сбудется, и все свершим!.. Мы сумеем, и победа будет за нами!.. Ура!

Тролли трижды прокричали «ура», в лагере тревожно заржали кони, а кое-кто из рыцарей схватился за голову, удерживая затрепетавшие от порыва ветра перья на шлемах.

– Вам помогут разбить лагерь, – сообщил я. – Я хочу, чтобы вы даже в подобных условиях жили с удобствами! А теперь отдыхайте.

Глава 11

В Баббенбурге и соседних городах множество оружейников, я загрузил их работой, велел сковать для начала два десятка полных доспехов рыцарского типа для троллей. Некоторые трусили, отказались, но другие, напротив, загорелись идеей создать нечто небывалое, все-таки у троллей нестандартные фигуры.

Чандлер в сопровождении верного Чака, Занга и еще двух гигантских троллей первым явился на снятие мерки. Вернулся довольным, приняли хорошо и пообещали сделать такие стальные латы, каких и у королей еще не было.

После него еще несколько троллей, отобранных им лично, побывали у бронников и у оружейников, причем у последних кое-чем разжились, хвастаясь по возвращении огромными топорами с удивительно острыми лезвиями и удобными рукоятями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.